



ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ СОВѢТА КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

За февраль и мартъ 1872 года.

23 февраля.

1872 г. февраля 23 дня, въ общемъ собраніи Совѣта Кіевской духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора оной архимандрита *Филарета*, присутствовали: инспекторъ Академіи и архимандритъ *Сильвестръ*; помощники ректора по учебной части: *Д. Поспѣховъ*, *И. Малышевскій*, *В. Пльвицкій*; члены Совѣта: *И. Бобровницкій*, *П. Лашкаревъ*, *Ю. Подгурскій*, *А. Вороновъ*, *С. Сольскій*; ординарный профессоръ *Н. Щеголевъ*, экстраординарные профессора: священникъ *А. Воскресенскій*, *Ф. Терновскій*, *П. Липицкій* и *Н. Петровъ*.

I. *Слушали*: Докладъ секретаря Совѣта Академіи: по II ст. журнала общаго собранія Совѣта Кіевской Академіи отъ 28 января 1872 года постановлено: «вслѣдствіе признанія богословскимъ отдѣленіемъ представленной профессоромъ Константиномъ Скворцовымъ диссертации удовлетворительною для степени доктора, допустить его къ публичному защищенію этой диссертации; для сего назначить 23 день февраля текущаго года; а официальными оппонентами—ординарнаго профессора Никифора Щеголева и экстраординарнаго профессора Стефана Сольскаго, о чемъ объявить въ мѣстныхъ газетахъ». Вслѣдствіе сего постановленія въ



настоящій день съ 12-ти до 2¹/₂ часовъ, состоялось публичное защищеніе г. Скворцевымъ докторской диссертациі: «Объ авторѣ сочиненій, извѣстныхъ съ именемъ Св. Діонисія Ареопажита». Этотъ актъ почтили своимъ присутствіемъ: Викарій Кіевской епархіи Преосвященный Порфирій, Начальникъ югозападнаго края Россіи, Кіевскій Губернаторъ, Попечитель Кіевского учебнаго Округа, Камергеръ Двора Его Императорскаго Величества А. Н. Муравьевъ, председатель археологической комиссіи М. В. Юзеновичъ, мѣстное духовенство и многіе любители духовнаго просвѣщенія изъ лицъ свѣтскихъ.

Справка. По Уставу духовныхъ академій § 88, В. д. 3, удостоеніе степени доктора относится къ дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію общаго собранія Совѣта Академіи и представляемымъ чрезъ епархіальнаго Преосвященнаго въ Святѣйшій Синодъ на утвержденіе.

Постановлено: Принявъ во вниманіе удовлетворительность для полученія степени доктора какъ самаго сочиненія, представленнаго ординарнымъ профессоромъ Константиномъ Скворцевымъ, такъ и публичнаго защищенія его, ходатайствовать чрезъ Его Высокопреосвященство Митрополита Кіевского предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи заслуженнаго профессора Скворцева въ степени доктора богословія.

6 марта.

1872 года марта 6 дня, въ общемъ собраніи Совѣта Кіевской духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора оной архимандрита *Филарета*, присутствовали: инспекторъ архимандритъ *Сильвестръ*; помощники ректора по учебной части: *Д. Посьховъ* и *И. Мальшевскій*; члены: *И. Бобровницкій*, *К. Скворцевъ*, *П. Лашкаревъ*, *Ю. Подиурскій*, *А. Вороновъ* и *С. Сольскій*. Не присутствовалъ по уважительной причинѣ ординарный профессоръ *В. Пьяницкій*.

I. *Слушали*: Прощение вольнослушающаго священника Іакова Чепурина отъ 12 января 1872 г. о зачисленіи его въ студенты Академіи по богословскому отдѣленію.

Справка 1. По XXV ст. журнала Совѣта отъ 2 сентября 1871 г. священникъ Іаковъ Чепуринъ по прошенію допущень былъ къ слушанію академическихъ лекцій по церковно-практическому отдѣленію; по V ст. журнала отъ 17 декабря 1871 г. онъ подвергнутъ въ особой комиссіи повѣрочному испытанію для принятія его въ число студентовъ Академіи; а по XIV ст. журнала отъ 30 того же декабря онъ, какъ удовлетворившій требованіямъ 125 и 127 §§ уст. дух. акад., былъ принятъ, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, въ число студентовъ Академіи.

Справка 2. Въ 6 § правилъ о приѣмѣ студентовъ въ Кіевскую Академію сказано: «лица, желающіе поступить въ число студентовъ Академіи, предъ наступленіемъ повѣрочнаго испытанія обязываются заявить, на какое отдѣленіе они хотятъ поступить». Въ 24 § говорится: «переходъ изъ одного отдѣленія въ другое дозволяется студентамъ въ теченіе перваго полугодія академическаго курса. По истеченіи же полугодія или года переходъ дозволяется только подъ условіемъ поступленія на первый курсъ, или по успѣшномъ выдержаніи экзамена изъ предметовъ, пройденныхъ въ избираемомъ студентомъ отдѣленіи до того курса, на какой онъ хочетъ поступить».

Постановлено: Объявить священнику Іакову Чепурину, что онъ теперь не иначе можетъ быть зачисленъ въ студенты богословскаго отдѣленія, какъ по успѣшномъ выдержаніи экзамена изъ пройденныхъ въ семь отдѣленій частей специальныхъ наукъ.

II. *Слушам.* Докладъ секретаря Совѣта Ивана Исаева: «По XX ст. журнала Совѣта Академіи отъ 30 декабря 1871 г. постановлено: спросить Рязанское семинарское Правленіе о томъ,

*

не состоялъ ли Владиміръ Ногайскій во время семинарскаго курса на казенномъ пособіи или содержаніи, и если состоялъ, то сколько употреблено было на его содержаніе, а также отправку его въ Академію, и, по полученіи таковыхъ свѣдѣній, чрезъ Совѣтъ Кіевскаго училища дѣвицъ духовнаго званія привести въ извѣстность учителя онаго Владиміра Ногайскаго объ общей суммѣ, причитающейся ко взысканію съ него по случаю выхода его изъ духовно-учебнаго вѣдомства до выслуги обязательнаго срока.— На отношеніе Ректора Академіи по сему предмету, отъ 14 января 1872 г. за № 23, Рязанскимъ семинарскимъ Правленіемъ сообщено, что воспитанникъ Кіевской Академіи Владиміръ Ногайскій; во время своего пятилѣтняго обученія въ семинаріи, состоялъ на казенномъ содержаніи, на его содержаніе издержано 171 р. 40 к., по 34 руб. 28 коп. въ годъ, а на отправленіе въ Академію и экипировку 104 руб. 86 коп. На содержаніе Владиміра Ногайскаго въ Кіевской духовной Академіи съ 1865 по 1869 годъ употреблено казенной суммы 400 руб. 10 коп., такимъ образомъ духовно-учебнымъ вѣдомствомъ всего израсходовано на Владиміра Ногайскаго 676 руб. 36 коп. Объ этой суммѣ, подлежащей взысканію, отношеніемъ Ректора Академіи отъ 11 февраля сего года сообщено въ Совѣтъ Кіевскаго училища дѣвицъ духовнаго званія для объявленія учителю онаго Владиміру Ногайскому. Но еще не послѣдовало на сіе никакого отзыва ни отъ Совѣта училища, ни отъ самаго Ногайскаго».

Постановлено: Принять къ свѣдѣнію.

III. *Слушали:* Донесеніе инспектора Академіи архимандрита Сильвестра отъ 2 февраля 1872 года и отъ 5 марта того же года о томъ, что въ поведеніи студентовъ за истекшіе мѣсяцы январь и февраль не замѣчено имъ никакихъ особенно важныхъ предосудительныхъ проступковъ.

Постановлено: Принять къ свѣдѣнію.

IV. *Слушали:* Прошеніе студента II-го курса Θεодора Рождественскаго отъ 3 истекшаго февраля: «Жизнь въ академическомъ общежитіи оказываетъ неблагопріятное дѣйствіе на мое здоровье, разстроенное частыми болѣзнями. Поэтому всепокорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи уволить меня изъ казеннаго корпуса на квартиру съ выдачею мнѣ извѣстной суммы казенныхъ денегъ; такъ какъ я не имѣю собственныхъ средствъ для прожизванія на квартирѣ».

Постановлено: Отказать просителю за неимѣніемъ основанія въ Уст. дух. акад. къ выдачѣ казенныхъ студенческихъ окладовъ на содержаніе въ квартирѣ.

V. *Слушали:* Прошеніе студентовъ I-го курса Киевской духовной Академіи священника Іакова Чепурина и Антона Чепурина отъ 4 истекшаго февраля о принятіи ихъ въ число казеннокоштныхъ воспитанниковъ Академіи, но такъ, чтобы первому, какъ семьянину, дозволено было проживать на частной квартирѣ съ выдачею ему установленной стипендіи, а второму или назначена была стипендія въ квартиру или дозволено было жить въ академическомъ корпусѣ.

Справка 1. По XIV ст. журнала Совѣта Академіи отъ 30 декабря 1871 года священникъ Іаковъ Чепуринъ и Антонъ Чепуринъ съ особаго архипастырскаго разрѣшенія приняты въ число студентовъ Академіи.

Справка 2. Въ настоящее время остаются въ Киевской Академіи свободныя двѣ вакансіи казеннокоштныхъ студентовъ, изъ коихъ одна не была еще замѣщена, другая сдѣлалась свободною по случаю увольненія студента Филиппа Цѣпановскаго, согласно его прошенію, въ концѣ истекшаго года. Остается съ конца 1870 года также свободною стипендія Кіево-Печерской Лавры въ память 4 апрѣля 1866 года.

Справка 3. По уст. дух. акад. § 86. А. п. 1, зачисленіе студентовъ на казеннокоштное содержаніе предоставлено Совѣту Академіи.

Постановлено: Студентамъ церковно-практическаго отдѣленія священнику Іакову Чепурину пазначить лаврскую стипендію, а Антону Чепурину предоставить одну изъ вакансій казеннокоштного студента.

VI. *Слушали:* Отношеніе инспектора Мариампольской мужской классической гимназіи отъ 24 января 1872 года за № 51: «Отношеніемъ, отъ 25 сентября 1871 года за № 764, я имѣлъ честь просить Совѣтъ Кіевской духовной Академіи о выдачѣ учителю ввѣренной мнѣ гимназіи Іосифу Григоревскому аттестата объ окончаніи имъ полнаго курса наукъ въ Кіевской духовной Академіи. Не получая по настоящее время ни аттестата, ни отвѣта, вторично прошу Совѣтъ Академіи выслать въ возможно-скорѣйшемъ времени просимый аттестатъ, такъ какъ, до получения такового, не можетъ быть составленъ формулярный списокъ о службѣ г. Григоревскаго».

Справка 4. Аттестатъ объ окончаніи Іосифомъ Григоревскимъ полнаго курса наукъ въ Кіевской духовной Академіи доселѣ не составленъ и не высланъ по первому отношенію отъ 25 сентября 1871 г. за № 764 потому, что при дѣлахъ Академіи не имѣется документовъ о родоприсхожденіи и первоначальномъ воспитаніи Іосифа Григоревскаго, такъ какъ онъ былъ принятъ въ Академію по особому распоряженію Высшаго начальства и состоялъ въ ней стипендіатомъ грекоуніатскаго вѣдомства, а на отношеніе Совѣта Академіи, отъ 4 ноября 1871 г. за № 610, въ канцелярію по греко-уніатскимъ дѣламъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія о высылкѣ оныхъ документовъ или о сообщеніи точныхъ свѣдѣній о происхожденіи и воспитаніи г. Григоревскаго еще не получено увѣдомленіе.

Справка 2. Объ этой причинѣ сообщено инспектору Мариампольской гимназіи отношеніемъ Ректора Академіи отъ 22 істѣкшаго февраля за № 80 съ такимъ присовокупленіемъ, что установленный аттестатъ объ окончаніи Іосифомъ Григоревскимъ полнаго курса въ Киевской духовной Академіи будетъ составленъ и высланъ въ Мариампольскую гимназію, коль скоро документы о родоприсхожденіи и воспитаніи его получены будутъ Совѣтомъ Академіи отъ вышеупомянутой канцеляріи по греко-уніатскимъ дѣламъ или отъ самаго Григоревского, если онъ таковыя имѣетъ при себѣ, а документы эти, по минованіи нужды въ нихъ, возвращены будутъ по принадлежности.

Постановлено: Распоряженіе Ректора Академіи принять къ свѣдѣнію.

VII. *Слушали:* Отношеніе Правленія Смоленской духовной семинаріи отъ 31 января сего года за № 38: «Вслѣдствіе отношенія Совѣта Киевской духовной Академіи отъ 28 декабря 1871 г. за № 730. Правленіе Смоленской духовной семинаріи, принимая во вниманіе, что а) по указу Св. Синода отъ 13 мая 1870 г. за № 1046, на основаніи котораго Совѣтъ Академіи проситъ замѣнить справку Смоленской духовной Консисторіи о рожденіи и крещеніи студента Иванова метрическимъ свидѣтельствомъ, студенты семинаріи, отправляемые семинарскимъ Правленіемъ въ составъ новыхъ курсовъ академій, снабжаются, при отправкѣ, потребными документами по предписанному порядку, что б) по опредѣленію Св. Синода ^{15 октября}_{12 ноября} 1843 г., изъясненному въ отношеніи духовно-учебнаго управленія, отъ 20 января 1844 г. за № 393, предписано семинарскимъ правленіемъ, чтобы вмѣсто метрическихъ свидѣтельствъ о рожденіи и крещеніи воспитанниковъ, отправляемыхъ въ духовныя Академіи, доставляемы были въ академическое Правленіе удостовѣренія мѣстныхъ консисторій, основанныя на метрическихъ книгахъ, како-

вое распоряженіе не замѣнено новымъ, что в) въ 4 § правилъ о приѣмѣ студентовъ Академіи говорится о лицахъ, по прошеніямъ принимаемыхъ, а не о воспитанникахъ семинаріи, отправляемыхъ въ Академіи по распоряженію начальства, имѣя при семъ въ виду, что г) Совѣты другихъ академій не требуютъ замѣны справокъ Смоленской консисторіи о рожденіи и крещеніи отправляемыхъ въ оныя воспитанниковъ метрическими свидѣтельствами и что д) Хозяйственное Управленіе при Св. Синодѣ въ отношеніи отъ 6 сентября 1871 г. за № 10.445, исчисливъ всѣ расходы по отправленію студентовъ въ Академіи, не указало въ числѣ оныхъ денегъ на метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи отправляемыхъ,—честь имѣть сообщить Совѣту Академіи, что оно находитъ невозможнымъ выслать въ оный метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи студента Иванова. При семъ Правленіе семинаріи честь имѣть возвратить въ Совѣтъ Академіи справку Смоленской консисторіи за № 7546 о рожденіи и крещеніи поступившаго въ число студентовъ Академіи Ивана Иванова».

Справка 1. Вслѣдствіе отношенія Смоленской духовной семинаріи отъ 20 ноября 1871 г. за № 600, по III-й ст. журнала Совѣта Академіи отъ 17 декабря того же года постановлено было сообщить Правленію Смоленской духовной семинаріи копію указа Св. Синода отъ 13 мая 1870 года за № 1046 и выписку 4 § правилъ о приѣмѣ студентовъ въ Академію.

Справка 2. Между документами назначенныхъ въ Академію воспитанниковъ семинарій въ августѣ 1871 г. семинарскими начальствами, хотя не всѣми, но большею частію, посланы, вмѣсто метрическихъ свидѣтельствъ, метрическія справки мѣстныхъ консисторій или даже выписки ихъ изъ исповѣдныхъ книгъ; при чемъ оказалась въ выпискѣ Воронежской духовной Консисторіи изъ исповѣдныхъ книгъ несообразность въ лѣтахъ Константина Попова, воспитанника Воронежской духовной семинаріи. Вслѣд-

ствіе сего, при отношеніяхъ Ректора Академіи всѣ справки и выписки были возвращены въ подлежащія семинарскія Правленія съ просьбою о высылкѣ настоящихъ метрическихъ свидѣтельствъ.

Постановлено: Метрическую справку о рожденіи и крещеніи студента Академіи Ивана Иванова приобщить къ дѣламъ и чрезъ Его Высокопреосвященство, Митрополита Кіевскаго, войти представленіемъ въ Святѣйшій Синодъ по вопросу о доставленіи семинарскими правленіями въ Совѣтъ Академіи метрическихъ свидѣтельствъ о рожденіи и крещеніи воспитанниковъ, назначаемыхъ въ составъ академическихъ курсовъ.

УІІІ. Слушали: Прошеніе бывшаго учителя Воронежской духовной семинаріи, окончившаго въ 1867 году воспитанника Академіи, Ивана Волоцкаго отъ 29 января 1872 года: «Имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Кіевской духовной Академіи выслать мнѣ въ непродолжительномъ времени копію съ аттестата моего, такъ какъ подлинный аттестатъ, выданный мнѣ 28 апрѣля 1869 года за № 227 случайнымъ образомъ мною затерянъ въ г. Владимірѣ, о чемъ и подано мною объявленіе во Владимірское городское полицейское управленіе. Копію съ этого объявленія, вѣрность которой засвидѣтельствована причтомъ села Константинова, что въ Суздальскомъ уѣздѣ, прилагаю на оборотѣ сего.—Жительство имѣю въ настоящее время въ селѣ Константиновѣ, Суздальскаго уѣзда, Владимірской губерніи, у священника Успенскаго».

Справка. Изъ приложенной къ прошенію копіи съ выданной Владимірскимъ городскимъ полицейскимъ управленіемъ г. Волоцкому, вслѣдствіе прошенія его, копіи съ объявленія его, по постановленію онаго управленія, отъ 14 ноября 1871 года за № 5108, на предметъ исходатайствованія копій съ аттестата, въ зашнѣ потеряннаго, а равно и копій съ прочихъ документовъ, видно, что Иванъ Волоцкій потерялъ академическій аттестатъ

вмѣстѣ съ другими своими документами въ г. Владимірѣ 31 октября прошлаго года, а 12 ноября подалъ объявленіе о потерѣ ихъ въ полицейское управленіе, которое, свидѣтельствуя вѣрность выданной копіи, объяснило, что слѣдующія на публикацію о потерѣ аттестата деньги 1 руб. 50 коп. съ г. Волоцкаго взысканы и имѣютъ быть представлены во Владимірское губернское управленіе вмѣстѣ съ объявленіемъ о нечитаніи потеряннаго аттестата и другихъ документовъ дѣйствительными.

Постановлено: Изготовить копію съ академическаго аттестата Ивана Волоцкаго и отослать оную ему по указанному адресу.

IX. *Слушам:* Отношеніе Правленія Курской духовной семинаріи отъ 30 декабря 1871 г. за № 942: «Вслѣдствіе отношенія о. Ректора Киевской духовной Академіи отъ 11 декабря 1871 года за № 689, полученнаго 16 декабря о томъ, чтобы кандидатъ богословія Михаилъ Краснитскій, по выдержаніи пробныхъ уроковъ, представилъ объ этомъ свидѣтельство въ Тобольское семинарское Правленіе и, по полученіи увѣдомленія отъ онаго объ опредѣленіи его преподавателемъ Тобольской семинаріи, немедленно отправился на мѣсто назначенія, Правленіе Курской семинаріи честь имѣетъ увѣдомить, что съ прописаніемъ вышеозначеннаго отношенія, на другой день по полученіи его, (17 декабря), было лично передано отношеніе г. Краснитскому за № 886 подъ его росписку, такъ какъ Краснитскій въ это время находился въ Бѣлгородѣ».

б) Прошеніе окончившаго курсъ Киевской духовной Академіи Михаила Краснитскаго отъ 29 декабря 1871 года: «Покорнѣйше прошу Совѣтъ Киевской духовной Академіи отмѣнить свое распоряженіе о назначеніи меня преподавателемъ Тобольской духовной семинаріи и указать мнѣ мѣсто для службы въ какой нибудь изъ южныхъ губерній, такъ какъ мнѣ, вслѣдствіе крайне разстроенаго моего здоровья, не только въ суровой по климату

Тобольской губернии, но и вообще во всей сѣверной половинѣ Россіи, по словамъ доктора, пользующаго меня въ настоящее время отъ ревматизма,—жить положительно невозможно».

в) Прошеніе его же отъ 2 февраля 1872 года: «Прилагая при семъ свидѣтельство Курской врачебной управы, отъ 1 февраля 1872 г. за № 135, о состояніи моего здоровья, покорнѣйше прошу Совѣтъ Киевской духовной Академіи снова разсмотрѣть мою просьбу отъ 29 декабря прошлаго 1871 года и сдѣлать по ней свое распоряженіе».

г) Отношеніе Правленія Курской духовной семинаріи отъ 18 февраля 1872 года за № 116: «По смерти, 10 февраля 1872 года, исправлявшаго должность преподавателя Феодора Лещинскаго, занимаемая имъ каѳедра латинскаго языка осталась свободною. Правленіе семинаріи, не имѣя въ виду кандидата на занятіе означенной каѳедры, на основаніи указа Св. Синода отъ 29 августа 1871 г. за № 52, по журналу отъ 17 февраля постановило: просить Совѣтъ Киевской Академіи избрать и рекомендовать способнаго кандидата изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ Академіи, по испытаніи его посредствомъ 3 хъ пробныхъ лекцій. Сообщая о семъ, Правленіе Курской семинаріи покорнѣйше проситъ Совѣтъ Академіи, въ случаѣ не имѣнія кандидата немедленно увѣдомить о томъ Правленіе».

д) Отношеніе его же отъ 22 того же февраля за № 124: «Отношеніемъ своимъ отъ 18 сего февраля за № 116 Правленіе Курской семинаріи, вслѣдствіе журнальнаго опредѣленія своего отъ 17 февраля, просило Совѣтъ Академіи избрать и рекомендовать способнаго кандидата изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ на открывшуюся въ Курской семинаріи вакансію преподавателя латинскаго языка. Между тѣмъ 22 сего февраля получено въ Правленіи прошеніе окончившаго курсъ въ Киевской Академіи кандидата Михаила Краснитскаго, проживающаго въ Курской епархіи, о зачисленіи его кандидатомъ на означенную

вакансію. Хотя Краснитскій лично извѣстенъ педагогическому собранію Курской семинаріи; но такъ какъ изъ отношеній о. Ректора Академіи, хранящихся въ Правленіи и своевременно предъявленныхъ Краснитскому чрезъ благочиннаго, видно, что Краснитскій назначенъ уже Совѣтомъ Академіи, на основаніи указа Св. Синода отъ 19 мая 1871 г. за № 32, на вакансію преподавателя психологіи, педагогики и обзора философскихъ ученій въ Тобольскую семинарію; то посему Правленіе семинаріи, не признавая себя въ правѣ зачислять Краснитскаго кандидатомъ на вакансію преподавателя латинскаго языка въ Курской семинаріи, постановило: сообщить объ означенномъ прошеніи Краснитскаго Совѣту Академіи и предоставить оное на его усмотрѣніе. Сообщая о семъ, на основаніи указа Св. Синода отъ 29 августа 1871 г. за № 32, Правленіе семинаріи покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи о послѣдующемъ не оставить оное безъ увѣдомленія».

Справка 1. Михаилъ Краснитскій назначенъ на вакантную въ Тобольской семинаріи кафедру философскихъ наукъ по журналу Совѣта Киевской духовной Академіи отъ 29 октября 1871 года.

Справка 2. По полученіи 3 января сего 1872 года перваго прошенія Михаила Краснитскаго объ освобожденіи его отъ назначенія въ Тобольскую семинарію, Совѣтъ Академіи, имѣя въ виду, что заявленіе его о болѣзни ничѣмъ не доказано, ограничился отношеніемъ въ Курское семинарское Правленіе отъ 7 января сего года о зависящемъ отъ него распоряженіи касательно исполненія прописаннаго въ отношеніяхъ Совѣта Академіи, отъ 3 ноября 1871 г. за № 689, по предмету назначенія Михаила Краснитскаго на кафедру философскихъ наукъ въ Тобольской духовной семинаріи.

Справка 3. По полученіи 7 истекшаго февраля втораго прошенія Михаила Краснитскаго, Совѣтъ Академіи, на основаніи 8 п. указа Св. Синода отъ 18 марта 1868 года за № 20 и 2 п.

указа его же отъ 19 мая 1871 г. за № 32, донесъ Г. Оберъ-Прокурору Св. Синода объ уклоненіи М. Краснитскаго отъ назначенія въ Тобольскую духовную семинарію, приложивъ къ донесенію въ подлинникѣ медицинское свидѣтельство, данное Краснитскому Курскою врачебною управою, отъ 1 февраля 1872 г. за № 135, и объяснивъ при томъ, что Совѣтъ Академіи предполагилъ имѣть Михаила Краснитскаго въ виду кандидатомъ въ одну изъ семинарій южной полосы Россіи, какъ скоро поступить изъ оныхъ заявленіе о вакантной каедрѣ, на занятіе которой онъ имѣеть право.

Постановлено: За освобожденіемъ кандидата Михаила Краснитскаго отъ назначенія въ Тобольскую семинарію, предоставить ему право на занятіе каедры латинскаго языка въ Курской семинаріи; а потому увѣдомить Правленіе сей семинаріи о неимѣніи препятствій со стороны Совѣта Академіи къ зачисленію Михаила Краснитскаго на вакантную каедру латинскаго языка и къ опредѣленію его на оную установленнымъ порядкомъ.

Х. Слушали: Отношеніе Правленія Воронежской духовной семинаріи отъ 3 февраля за № 99: «Вслѣдствіе отношенія отъ 20 января сего 1872 года за № 29, Правленіе Воронежской семинаріи имѣеть честь препроводить при семъ формулярный списокъ о службѣ преподавателя оной Митрофана Ястребова и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомить, что со стороны семинарскаго Правленія препятствій къ переходу преподавателя Ястребова на службу въ Киевскую духовную Академію не имѣется».

Справка 1. Митрофанъ Ястребовъ Совѣтомъ Киевской Академіи, посредствомъ закрытой баллотировки, избранъ былъ въ засѣданіи 19 ноября 1871 г. приватъ-доцентомъ на вакантную каедру сравнительнаго богословія; по II-й ст. журнала Совѣта отъ того же 19 ноября положено было спросить Воронежское семинарское Правленіе о безпрепятственности къ переходу г. Ястре-

бова на службу въ Академію и просить о высылкѣ формулярнаго о службѣ его списка.

Справка 2. По Высочайше утвержденному 30 мая 1869 года Уст. дух. акад. на содержаніе привать-доцентовъ въ Кіевской духовной Академіи назначено всего 2000 руб., каковая сумма уже вся распредѣлена между наличными привать-доцентами по III-й ст. журпала Совѣта Академіи отъ 30 декабря 1871 г.

Справка 3. По Уст. дух. акад. § 86. Б п. 7, «допущеніе привать-доцентовъ къ чтенію лекцій и назначенію имъ вознагражденія» относится къ числу дѣлъ подлежащихъ разсмотрѣнію Совѣта Академіи и представляемыхъ на утвержденіе епархіальнаго Преосвященнаго.

Постановлено: Предварительно допущенія М. Ястребова къ чтенію лекцій въ Академіи, въ виду недостатка суммы на вознагражденіе его за предстоящій трудъ, ходатайствовать чрезъ Его Высокопреосвященство, Митрополита Кіевского, предъ Святѣйшимъ Синодомъ о разрѣшеніи удовлетворять привать-доцентовъ, читающихъ лекціи по штатнымъ каѳедрамъ, жалованьемъ, по усмотрѣнію Совѣта, не свыше 900 руб. изъ свободнаго оклада по снмъ каѳедрамъ.

XI. *Слушали:* Отношеніе члена, управляющаго дѣлами Совѣта общества возстановленія христіанства на Кавказѣ, отъ 4 февраля 1872 г. за № 92, на имя Ректора Кіевской Академіи: «Вслѣдствіе отношенія Вашего, отъ 24 ноября 1871 г. за № 654, имѣю честь сообщать Вашему Высокопреподобію, что воспитаннику Кіевской духовной Академіи Аонасію Гассіеву не могло быть предоставлено соотвѣтственное правомъ его академическаго образованія мѣсто ни по обществу, ни по епархіальному вѣдомству, за неимѣніемъ вакансій въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, а поному, съ соизволенія Его Императорскаго Высочества, Августѣйшаго предсѣдателя Общества, Гассіевъ назначенъ препода-

вателемъ въ Тифлисскую Ея Высочества Великой Книгини Ольги Ѳеодоровны женскую гимназію, въ томъ предположеніи, что, служа тамъ, онъ можетъ быть полезнымъ и Обществу въ его дѣятельности по переводу священно-церковныхъ книгъ на осетинскій языкъ и составленію элементарныхъ учебниковъ для городскихъ школъ, содержимыхъ Обществомъ».

Справка 1. Аѳанасія Гассіева, не получившаго назначенія на службу, Совѣтъ Академіи имѣлъ въ виду назначить на вакантную въ Смоленской духовной семинаріи кафедру основнаго и нравственнаго богословія послѣ того, какъ оказалось, что рекомендованный Совѣтомъ Академіи отъ 9 ноября 1871 г. на эту кафедру кандидатъ богословія Николай Высоцкій уже опредѣленъ преподавателемъ въ Орловской семинаріи. Но поелику Аѳанасій Гассіевъ былъ стипендіатомъ общества возстановленія христіанства на Кавказѣ, то Ректоръ Академіи, отъ 24 ноября 1871 г. за № 654, предварительно вошелъ съ Совѣтомъ сего общества въ сношеніе о томъ, не имѣется ли препятствій къ назначенію Гассіева въ Смоленскую семинарію на должность преподавателя.

Справка 2. Правленіе Смоленской семинаріи телеграммою, отъ 27 декабря 1871 г. за № 713, просило Ректора Киевской Академіи пріостановиться избраніемъ кандидата вмѣсто Н. Высоцкаго, если только таковой кандидатъ не избранъ еще, такъ какъ семинарское Правленіе имѣетъ своего кандидата; при чемъ просило сообщить по сему предмету отвѣтъ телеграммою, которая оплачена. На это Ректоръ Академіи телеграммою, отъ 28 того же декабря за № 3381, сообщилъ слѣдующее: «избранъ Гассіевъ, стипендіатъ Кавказскаго Общества распространія христіанства. Общество доселѣ не отвѣтило о согласіи на это избраніе».

Справка 3. По полученія 17 февраля сего года отношенія управляющаго дѣлами Совѣта Общества возстановленія христіанства на Кавказѣ, отношеніемъ Ректора Академіи отъ 19 того же

февраля за № 74 сообщено Правленію Смоленской духовной семинаріи какъ о содержаніи онаго отношенія, такъ и о немѣннѣи другого кандидата вмѣсто А. Гассіева. Кромѣ того, на основаніи 6 п. указа Св. Синода отъ 19 мая 1871 года за № 75, академическій дипломъ и другіе документы А. Гассіева высланы въ Совѣтъ Общества возстановленія христіанства на Кавказѣ для приобщенія ихъ къ дѣлу объ опредѣленіи Гассіева на службу.

Постановлено. Сообщеніе управляющаго дѣлами Совѣта Общества возстановленія христіанства на Кавказѣ и распоряженіе по нему Ректора Академіи принять къ свѣдѣнію.

ХІІ. Слушали: Отношеніе Правленія Олонецкой духовной семинаріи отъ 10 февраля 1872 г. за № 60: «Правленіе Олонецкой семинаріи покорнѣйше проситъ Совѣтъ Киевской духовной Академіи сообщить въ возможной скорости, изъявилъ ли согласіе воспитанникъ оной Академіи Григорій Маркевичъ занять должность учителя физико-математическихъ наукъ въ Олонецкой семинаріи и, если изъявилъ согласіе и выдержалъ пробныя лекціи, то Правленіе имѣетъ честь просить Совѣтъ Академіи объ отправленіи г. Маркевича къ мѣсту службы въ г. Петрозаводскъ Олоонецкой губерніи».

Справка 1. Чрезъ Полтавское семинарское Правленіе предложено было, отъ 7 октября за № 473, Григорію Маркевичу, бывшему безъ назначенія въ Полтавскую епархію, занять преподавательскую вакансію въ Олонецкой семинаріи. Правленіе Полтавской семинаріи, отъ 12 того же октября за № 791, сообщило Совѣту Академіи, что г. Маркевичъ уже опредѣленъ смотрителемъ Лубенскаго духовнаго училища.

Справка 2. На отношеніе Правленія Олонецкой духовной семинаріи Ректоромъ Академіи, отъ 22 февраля сего года за № 82, сообщено, что г. Маркевичъ не изъявилъ согласія поступить въ Олонецкую семинарію.

Постановлено: Распоряженіе Ректора Академіи принять къ свѣдѣнію.

XIII. Слушали: Отношеніе Высокопреосвященнѣйшаго Исидора, митрополита Цовгородскаго и С.-Петербургскаго, отъ 10 февраля 1872 года за № 496: «Препровождаю при семь для бібліотеки Кіевской духовной Академіи пять книгъ бюллетеній Императорской Академіи Наукъ т. XVI № № 4, 5 и 6 т. XIV № № 1 и 2.»

Справка. Увѣдомленіе о полученіи сихъ книгъ съ принесеніемъ благодарности за продолженіе милостиваго благоволенія къ Кіевской Академіи отъ имени Совѣта послано 22 февраля сего года за № 81.

Постановлено: Означенныя книги бюллетеній Императорской Академіи Наукъ сдать въ бібліотеку.

XIV. Слушали: Отношеніе Хозяйственнаго управленія при Св. Синодѣ отъ 12 февраля сего года за № 1.819. «Правленіе Орловской семинаріи въ отношеніи, отъ 26 января 1872 года за № 27, ходатайствуетъ объ отпускѣ классныхъ кандидатскихъ окладовъ преподавателямъ Орловской семинаріи: Виктору Пятину, Дмитрію Семенову и Николаю Высотскому. Вслѣдствіе сего хозяйственное управленіе покорнѣйше проситъ Правленіе Кіевской Академіи доставить свѣдѣніе какъ о времени окончанія курса помянутыхъ лицъ въ Академіи и подачи ими курсовыхъ сочиненій, такъ и о томъ, когда они были утверждены въ степеняхъ конференціею и Св. Синодомъ».

Справка. Отношеніемъ Ректора Академіи, отъ 22 февраля 1872 года за № 83, сообщено хозяйственному управленію, что 1) преподаватели Орловской семинаріи Викторъ Пятинъ, Дмитрій Семеновъ и Николай Высотскій окончили курсъ наукъ въ Кіевской Академіи 15 іюня 1871 г.; 2) представленныя на степень

кандидата богословія сочиненіи признаны удовлетворительными для получения сей степени: В. Пятна по журналу общаго собранія Совѣта, отъ 14 мая, Семенова и Высотскаго по журналу отъ 28 мая, и 3) по окончаніи ими полнаго 4-хъ годичнаго курса утверждены въ степени кандидата богословія 30 августа 1871 года Высокопреосвященнымъ митрополитомъ Кіевскимъ по представленію Совѣта Академіи».

Постановлено: Распоряженіе Ректора Академіи принять къ свѣдѣнію.

XV. *Слушали:* Отношеніе Правленія Тульской семинаріи отъ 18 февраля сего года за № 92: «Правленіе Тульской духовной семинаріи честь имѣетъ сообщить, что помощникъ инспектора Тульской семинаріи, бывшій воспитанникъ Кіевской духовной Академіи Павелъ Зеведеевъ, по выдержаніи пробнаго испытанія, согласно резолюціи мѣстнаго Преосвященнаго, отъ 7 февраля сего года, допущенъ впредь до утвержденія въ ученой степени, къ исправленію должности преподавателя по кафедрѣ литургіи, гомилетики и практическаго руководства для пастырей въ Тульской духовной семинаріи».

Постановлено: Принять къ свѣдѣнію.

XVI. *Слушали:* Отношеніе Высокопреосвященнаго Димитрія, архієпископа Херсонскаго, отъ 18 февраля сего года за № 95: «Вслѣдствіе перемѣщенія преподавателя Одесской семинаріи Николая Трипольскаго въ Кіевскую духовную семинарію, должность преподавателя гомилетики и практическаго руководства для пастырей въ Одесской семинаріи остается вакантною съ 12 текущаго февраля. За неимѣніемъ въ виду Правленія семинаріи кандидата для занятія вышеозначенной вакантной должности, долгомъ считаю покорнѣйше просить Совѣтъ Кіевской духовной Академіи избрать и рекомендовать достойнаго и способнаго кандидата на должность преподавателя гомилетики и практическаго руководства

для пастырей въ Одесской семинаріи и о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ».

Справка. Изъ студентовъ церковно-практическаго отдѣленія Кіевской духовной Академіи, окончившихъ курсъ въ 1871 году, только объ Андреѣ Быстровѣ, проживающемъ въ Тамбовской епархіи, не извѣстно, поступилъ ли онъ на службу или остается еще безъ должности. А. Быстровъ былъ рекомендованъ на смотрительскую должность въ Камышинское духовное училище.

Постановлено: Просить у Тамбовскаго семинарскаго Правленія свѣдѣнія о томъ, выбылъ ли изъ Тамбовской епархіи Андрей Быстровъ на должность смотрителя Камышинскаго духовнаго училища или остается еще на мѣстѣ безъ должности; о послѣдующемъ имѣть особое разсужденіе.

XVII. *Слушали:* Отношеніе Правленія Рязанской духовной семинаріи отъ 20 февраля за № 124: «Его Сіятельство Г. Синодальный Оверъ-Прокуроръ, Графъ Дмитрій Андреевичъ, отношеніемъ своимъ отъ 3 сего февраля за № 380, увѣдомилъ Его Высокопреосвященство Алексія, архіепископа Рязанскаго, что кандидатъ Кіевской духовной Академіи Петръ Благовъ, временно занимавшій съ 1 января сего года въ Рязанской семинаріи кафедру св. Писанія, обязанъ немедленно отправиться къ мѣсту своего первоначальнаго назначенія въ Иркутскъ и что Правленіе Рязанской семинаріи должно увѣдомить о семъ Совѣтъ Кіевской духовной Академіи съ присовокупленіемъ свѣдѣній объ удовлетворительной сдачѣ Благовымъ пробныхъ уроковъ по св. Писанію. Согласно своему журнальному опредѣленію отъ 12 февраля, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, Правленіе Рязанской семинаріи и имѣетъ честь увѣдомить Совѣтъ Кіевской духовной Академіи, что кандидатъ Благовъ, отчисленный отъ Рязанской семинаріи, поставленъ въ извѣстность о томъ, что онъ обязанъ немедленно отправиться къ мѣсту своего назначенія въ Иркутскъ, и что Петръ Благовъ



пробные уроки по св. Писанію 16 и 17 декабря 1871 г. сдать удовлетворительно, о чемъ записано въ актахъ, имѣющихся при дѣлахъ правленія и что оказалось по произведенной правленіемъ семинаріи закрытой баллотировкѣ, когда кандидатъ Благовъ получилъ 9 избирательныхъ голосовъ при одномъ неизбирательномъ».

Справка 1. Петръ Благовъ назначенъ въ Иркутскую семинарію на кафедру священнаго Писанія по 1-й ст. журнала отъ 29 ноября 1871 года.

Справка 2. Отношеніемъ Ректора Академіи, отъ 12 января 1872 года за № 15, сообщено Иркутскому Преосвященному о полученномъ свѣдѣніи касательно опредѣленія Петра Благова Рязанскимъ епархіальнымъ Преосвященнымъ на должность преподавателя въ Рязанской семинаріи.

Постановлено: Принять къ свѣдѣнію и увѣдомить Иркутскаго Преосвященнаго о послѣдовавшемъ отчисленіи Петра Благова отъ Рязанской семинаріи въ Иркутскую семинарію.

XVIII. *Слушали:* Отношеніе Совѣта С.-Петербургской духовной Академіи отъ 21 февраля сего года за № 66: «Препровождая при семъ сборникъ проповѣдей Георгія Конисскаго, Совѣтъ С.-Петербургской духовной Академіи честь имѣть просить Совѣтъ Кіевской духовной Академіи принять искреннюю благодарность за присылку означеннаго сборника, и не оставить увѣдомленіемъ о полученіи его».

Постановлено: О полученіи рукописнаго сборника проповѣдей Георгія Конисскаго увѣдомить совѣтъ С.-Петербургской Академіи и сдать его въ бібліотеку.

XIX. *Слушали:* Отношеніе Высокопреосвященнаго Платона, архіепископа Донскаго и Новочеркасскаго, отъ 22 февраля за № 46: «При Новочеркасскомъ духовномъ училищѣ ввѣренной мнѣ епархіи

должность учителя русскаго языка съ церковно-славянскимъ состоятъ казанною. Сообщая о семъ Совѣту Кіевской духовной Академіи, покорнѣйше прошу сообщить мнѣ: не желаетъ ли кто изъ воспитанниковъ сей Академіи, хорошо знающій помянутый языкъ, быть наставникомъ его въ Новочеркасскомъ училищѣ?

Справка. Ректоръ Академіи, отъ 2-го марта сего года за № 116, увѣдомлялъ архієпископа Донскаго, что Совѣтъ Академіи не имѣетъ кандидата на учительскую должность въ Новочеркасскомъ училищѣ.

Постановлено: Распоряженіе Ректора Академіи принять къ свѣдѣнію.

XX. *Слушали:* Конфиденціальныя отношенія г. Товарища Оберъ-Прокурора Св. Синода, на имя Его Высокопреосвященства, митрополита Кіевскаго: а) отъ 30 января сего года за № 346: «Департаментъ Народнаго Просвѣщенія сообщаетъ, что учитель Шорковскаго училища (Бѣлостокскаго уѣзда, Гродненской губерніи) Павелъ Кудрявцевъ, согласно заключенію Совѣта Гродненской Дирекціи народныхъ училищъ, уволенъ отъ занимаемой имъ должности, какъ слабый въ дѣлѣ обученія и незаслуживающій довѣрія мѣстной среды, и, сверхъ того, избѣченный въ невѣріи. Долгомъ поставлю сообщить о семъ Вашему Высокопреосвященству для надлежащаго свѣдѣнія и зависящаго, по усмотрѣнію распоряженія, на случай домогательства Кудрявцева поступить на службу по духовно-учебному вѣдомству». б) Отъ 14 февраля за № 14: «Департаментъ Народнаго Просвѣщенія сообщаетъ, что исправляющій должность учителя исторіи и географіи въ Бѣлевскомъ уѣздномъ училищѣ (Тульской губерніи) Дмитрій Воейковъ уволенъ отъ исполненія учительскихъ обязанностей, за дерзкое и публично выраженное неуваженіе къ церковнымъ обрядамъ. Долгомъ поставлю сообщить о семъ Вашему Высокопреосвященству, для надлежащаго свѣдѣнія и зависящаго, по усмотрѣнію, распо-

ряженія, на случай домогательства Воейкова поступить на службу по духовно-учебному вѣдомству».

Постановлено: Принять къ свѣдѣнію и къ должному въ потребномъ случаѣ распоряженію, согласно резолюціи Его Высокопреосвященства, для той же цѣли сообщить копію въ Киевское семинарское Правленіе, прося оное привести въ извѣстность и училищныя правленія Киевской епархіи.

XXI. *Слушали:* Отношеніе Правленія Тифлисской духовной семинаріи, отъ 3 февраля сего года за № 72, о томъ, что окончившій курсъ въ Киевской духовной Академіи Давидъ Датошвили, резолюціей Его Высокопреосвященства экзарха Грузін, послѣдовавшей 27 ноября 1871 года, опредѣленъ исправляющимъ должность смотрителя Телавскаго духовнаго училища на мѣсто уволеннаго отъ сей должности, по прошенію, коллежскаго секретаря Георгія Тиникова».

Постановлено: Принять къ свѣдѣнію.

XXII. *Слушали:* Сообщенную Правленіемъ Киевской духовной Академіи, на основаніи 109 § Уст. дух. акад., вѣдомость о наличныхъ суммахъ Академіи за мѣсяць январь 1872 года.

По означенной вѣдомости значится:

	наличными деньгами.	въ билетахъ кред. учрежд.	Итого.
Остатка къ 1-му января	11,627 р.	187,591 р.	199,218 р.
	92 ¹ / ₄ к.	—	92 ¹ / ₄ к.
Прихода въ теченіи января	496 р.	—	496 р.
	96 к.	—	96 к.
Итого .	12,124 р.	187,591 р.	199,715 р.
	88 ¹ / ₄ к.	—	88 ¹ / ₄ к.

Расхода въ теченіи января	9,129 р.	—	9,129 р.
	60 ¹ / ₂ к.	—	60 ¹ / ₂ к.
Остатка къ 1 февраля 1872 г.	2,993 р.	187,591 р.	190,586 р.
	27 ³ / ₄ к.	—	27 ³ / ₄ к.

Постановлено: Принять къ свѣдѣнію.

XXIII. *Слушали:* Прошеніе смотрителя Харьковскаго духовнаго училища Васиція Иванова отъ 14 февраля сего года: «Для представленія меня въ соотвѣтствующій лѣтамъ моей службы при училищѣ чинъ какъ необходимыя для того документы, нужны метрическое свидѣтельство о моемъ рожденіи и аттестатъ объ окончаніи курса наукъ въ Академіи. Вслѣдствіе сего имѣю честь покорнѣйше просить Правленіе Киевской духовной Академіи сдѣлать зависящее распоряженіе о высылкѣ мнѣ означенныхъ документовъ, если можно, въ непродолжительномъ времени. При семъ долгомъ считаю объяснить Правленію, что я кончилъ курсъ въ Академіи въ 1847 году, по спискамъ XIII курса значился подъ именемъ Васиція Иванова 1 го и удостоенъ степени кандидата въ 1850 году».

Справка 1. Изъ дѣлъ Правленія Академіи за 1847 и послѣдующіе годы видно, что Васицій Ивановъ 1-й бывшею конференціею Академіи 25 іюля 1847 года назначенъ къ степени кандидата и опредѣленіемъ Св. Синода отъ 5 февраля 1854 г. утвержденъ въ этой степени.

Справка 2. При дѣлахъ Правленія Академіи за 1843 годъ отыскано метрическое свидѣтельство Васиція Иванова, выданное изъ Курской духовной консисторіи отъ 31 іюля 1843 года за № 7.185.

Постановлено: Просимые г. Ивановымъ документы выслать въ Правленіе Харьковскаго духовнаго училища для выдачи по принадлежности и просить увѣдомленія о полученія ихъ.

XXIV. *Слушали:* Отношеніе Волынской духовной семинаріи отъ 23 февраля за № 193: «На основаніи указа Св. Синода отъ 29 августа 1871 года за № 52. Правленіе Волынской духовной семинаріи честь имѣть покорно просить Совѣтъ Киевской духовной Академіи объявить оканчивающимъ въ семь году воспитанникамъ, что со второй половины сего 1872 года при Волынской семинаріи открываются слѣдующія наставническія вакансіи: 1) основнаго богословія, догматики и нравственнаго богословія—одна; 2) гомилетики, лютургики и практическаго руководства для пастырей—одна; 3) психологін, обзора философскихъ ученій и педагогики—одна; 4) греческаго языка—двѣ и 5) три вакансіи помощника инспектора. Желаяющіе поступить на вышеупомянутыя наставническія вакансіи могутъ держать пробныя лекціи или предъ Совѣтомъ Академіи, или предъ педагогическимъ собраніемъ Правленія Волынской духовной семинаріи».

Постановлено: Увѣдомить Волынское семинарское Правленіе, что кандидатовъ на преподавательскія вакансіи нѣтъ и не можетъ быть въ настоящемъ году, поселику не будетъ выпуска изъ Академіи.

XXV. *Слушали:* Прошеніе австрійскаго подданныаго Іліи Врачука отъ 17 февраля 1872 года: «Окончивъ съ успѣхомъ полный курсъ гимназін въ Галиціи, я въ 1871 году прибылъ для изученія предметовъ на русскомъ языкѣ въ Кременецкую духовную семинарію и нынѣ по окончаніи оной выпускаю студентомъ. Представляя аттестатъ, полученный мною изъ семинарскаго Правленія и метрическое свидѣтельство, имѣю честь покорнѣйше просить благосклоннаго вниманія на принятіе меня въ Академію на казенный счетъ. Я имѣю намѣреніе сейчасъ, послѣ окончанія курса, подать прошеніе о принятіи меня въ Академію, но узнавъ за необходимое прежде подать прошеніе на предметъ принятія меня въ подданство Россіи, вмѣстѣ съ этимъ прошеніемъ

послалъ я тоже свой аттестатъ и метрическое свидѣтельство; такимъ образомъ намѣреніе мое—подать прошеніе на принятіе меня въ Академію не могло исполниться, и я былъ принужденъ ожидать времени, пока не возвратятъ мнѣ мои документы. Наконецъ сего мѣсяца пришло рѣшеніе отъ министерства Внутреннихъ Дѣлъ, но неудовлетворительное; по законамъ мнѣ нужно еще 4 года ожидать, пока не стану достойнымъ быть русскимъ подданнымъ. Вмѣстѣ съ рѣшеніемъ получилъ я свой аттестатъ и метрическое свидѣтельство. Имѣя теперь чѣмъ выказаться, осмѣливаюсь, хотя уже на позднее время, покорнѣе просить обратить вниманіе на мое нижайшее прошеніе и удостоить меня принятія въ Академію. При семъ, такъ какъ я, будучи женатъ, не могу жить вмѣстѣ съ другими въ Корпусѣ, то осмѣливаюсь всепокорнѣе просить, по принятіи меня, удѣлить мнѣ стипендію, чтобъ я могъ жить въ городѣ—при помощи Всевышняго надѣюсь показаться достойнымъ и благодарнымъ Русскому Государству за столь великую для меня милость».

Справка 1. По 123 § уст. дух. акад. пріемъ студентовъ бываетъ одинъ разъ въ годъ предъ началомъ академическаго года.

Справка 2. Стипендіи иностранцамъ назначаются по особому распоряженію правительства.

Постановлено: Объявить Ильѣ Прачуку, что онъ можетъ быть зачисленъ въ Академію студентомъ по сдачѣ имъ пріемнаго экзамена предъ началомъ слѣдующаго 187²/₃ академическаго года, а стипендія ему, какъ иностранцу, можетъ быть дана только по особому распоряженію высшаго начальства.

XXVI. *Слушали.* Отношеніе попечителя Варшавскаго учебнаго округа, отъ 25 февраля 1872 г за № 1282, къ Ректору Академіи: «Измъ отзыва Вашего Высочайшендобія на имя инспектора Петроковской мужской классической гимназіи, отъ 22 августа

1869 г. за № 44, видно, что академическій аттестатъ окончившаго въ 1867 году курсъ наукъ въ Кіевской духовной Академіи, нынѣ учителя Петроковской женской прогимназіи, Николая Лучицкаго можетъ быть высланъ ему не прежде какъ по полученіи имъ ученой академической степени. По зстрѣтившейся нынѣ надобности, имѣю честь просить Ваше Высокопреподобіе выслать ко мнѣ означенный аттестатъ г. Лучицкаго, буде онъ уже утвержденъ въ ученой степени, въ противномъ же случаѣ почтить меня уѣдомленіемъ, по какимъ поводамъ сіе утвержденіе доселѣ не послѣдовало».

Справка. Вслѣдствіе сего отношенія Ректоръ Академіи увѣдомилъ, что окончившій въ 1867 году курсъ наукъ въ Кіевской духовной Академіи воспитанникъ, нынѣ учитель Петроковской женской прогимназіи, Николай Лучицкій, по окончаніи курса, не утвержденъ въ ученой степени потому, что онъ, при окончаніи курса, не представилъ сочиненія на ученую степень, и доселѣ не послѣдовало утвержденія въ ученой степени по той же причинѣ непредставленія сочиненія на полученіе таковой степени.

Постановлено: Распоряженіе Ректора Академіи принять къ свѣдѣнію.

XXVII. *Слушали:* Сданные Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ, къ свѣдѣнію и должному распоряженію указы Святѣйшаго Синода:

1) Отъ 21 февраля 1872 г. за № 287: «Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 15-го октября 1871 года за № 11.136, объ увольненіи Совѣтомъ Кіевской духовной Академіи студента Лозинскаго, по болѣзни, удостовѣренной Врачебнымъ Отдѣленіемъ при Кіевскомъ Губернскомъ Правленіи, безъ обязательнаго возврата суммы, употребленной на его содержаніе въ

теченіи одного академическаго года. И, по справкѣ, Приказали: по соображеніи настоящаго предложенія съ постановленіями по духовно-училищному вѣдомству, находя образъ дѣйствій Совѣта Кіевской духовной Академіи по вопросу объ увольненіи студента Лозинскаго исполнѣ согласнымъ съ опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода ^{17 октября}~~19 ноября~~ 1871 года о взысканіи слѣдующихъ за содержаніе въ Академіи денегъ съ выбывающихъ до окончанія учебнаго курса академическихъ воспитанниковъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: настоящее предложеніе принять къ свѣдѣнію, — сообщивъ о семъ, для того же, Вашему Преосвященству указомъ».

2) Отъ того же 21 февраля за № 288: «Святѣйшій Синодъ слушали предложеніе Господина синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 16 декабря 1871 года за № 4672, по вопросу о томъ, кому принадлежитъ право дѣйствительнаго увольненія отъ обязательной духовно-учебной службы тѣхъ изъ академическихъ воспитанниковъ, которыми возвращены слѣдующія за воспитаніе ихъ въ Академіи деньги. Приказали: уставъ духовныхъ Академій освобождаетъ академическихъ воспитанниковъ отъ духовно-учебной службы подъ условіемъ возврата сими воспитанниками употребленной на ихъ содержаніе суммы; но ни въ семъ уставѣ, ни въ циркулярномъ указѣ Св. Синода отъ 19 мая 1871 г. за № 32 не разяснено, кому именно принадлежитъ право дѣйствительнаго увольненія отъ обязательной духовно-учебной службы каждаго изъ академическихъ воспитанниковъ, внесшаго требуемую за воспитаніе сумму. Имѣя въ виду, что по буквальному смыслу § 168 академическаго устава внесеніе таковой суммы даетъ уже воспитаннику право на освобожденіе отъ обязательной службы, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшеніе прошеній по сему предмету предоставить Совѣтамъ академій, съ тѣмъ, чтобы, по внесеніи въ Академію академическими воспитанниками, желающими освободиться отъ обязательной по духовно-училищному вѣ-

домству выслуги, денегъ слѣдующихъ, на основаніи 7 и 8 п. приведеннаго указа Святейшаго Синода, за содержаніе ихъ, Совѣты академій 1) выдавали таковыми воспитанникамъ, вмѣстѣ съ прочими докуменгами, и свидѣтельство объ увольненіи ихъ, за состоявшеюся уплатою причитавшейся за содержаніе ихъ суммы, изъ духовнаго вѣдомства, и 2) доводили о семъ, въ тоже время до свѣдѣнія какъ хозяйственнаго при Святейшемъ Синодѣ управленія, для распоряженія о внесенныхъ увольняемыми воспитанниками деньгахъ, такъ и канцеляріи синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно указамъ Святейшаго Синода прошлаго 1871 г. отъ 19 мая за № 32 п. 3 и отъ 29 августа за № 52 прим. IV п. 1. Для принятія къ руководству и исполненію пастоящаго опредѣленія Вашему Преосвященству, Преосвященнымъ Митрополитамъ С.-Петербургскому и Московскому и архіепископу Казанскому послать указы, а въ хозяйственное управленіе, Учебный Комитетъ и Канцелярію Оберъ-Прокурора передать выписки изъ опредѣленія».

Постановлено: Принять къ свѣдѣнію и руководству.

XXVIII. *Слушали:* Прошеніе студента церковно-практическаго отдѣленія Киевской Академіи Георгія Мургуловича отъ 4 марта сего года: «Пмѣя пужду отправиться на родину для поправленія своего разстроенаго здоровья и прилагая при семъ медицинское свидѣтельство, я покорѣйше прошу Совѣтъ Академіи допустить меня къ такъ называемымъ коллоквиумъ, т. е. къ испытанію по спеціальнымъ своимъ предметамъ, какъ этого требуетъ рѣшеніе Сербскаго народнаго конгресса отъ прошлаго 1871 года, имѣющееся при Правленіи здѣшней духовной Академіи».

Справка. Совѣту Киевской духовной Академіи не извѣстно, дѣйствительно ли Сербскій національный конгрессъ, отправляя

Мургуловича въ Академію, предназначилъ ему выслушать только тѣ науки, которыхъ онъ готовится быть преподавателемъ въ Карловицкой православной семинаріи. Вслѣдствіе прошенія Георгія Мургуловича отъ 1 сентября объ увольненіи его отъ обязательства изучать все науки, преподаваемые въ церковно-практическомъ отдѣленіи, къ которому онъ причисленъ согласно его желанію, и о дозволеніи ему слушать лекціи только по тѣмъ предметамъ, специальное знаніе которыхъ необходимо ему, какъ будущему учителю Сербской православной семинаріи въ Карловицахъ, Ректоръ Академіи, по порученію Совѣта оной, огласилъ по сему предмету, отъ 17 ноября 1871 г. за № 643, къ Высокопреосвященному Арсенію Стойковичу, епископу Будимскому и администратору Сербской митрополіи. Но на это отношеніе доселѣ не получено увѣдомленія.

Постановлено: Георгія Мургуловича, согласно его прошенію вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, удостовѣряемаго свидѣтельствомъ врача, уволить для поправленія здоровья на родину срокомъ отъ 1 апрѣля по 15 августа 1872 года. Что касается до просьбы подвергнуть его въ настоящее время испытанію по специальнымъ его предметамъ, то, за неполученіемъ увѣдомленія отъ администратора Сербской митрополіи свѣдѣнія о рѣшеніи Сербскаго національнаго конгресса касательно наукъ, для изученія которыхъ присланъ въ Киевскую Академію Георгій Мургуловичъ, отказать просителю въ этомъ до времени.

XXIX. Слушали: Донесеніе инспектора Киевской духовной Академіи архимандрита Сильвестра о томъ, что въ теченіе первой недѣли великаго поста все студенты, исключая неявившихся по болѣзни Василя Волошкевича и Николая Мировича, говѣли, исповѣдывались и приобщались св. таинъ, съ представленіемъ списковъ студентовъ бывшихъ на исповѣди.

Постановлено: Принять къ свѣдѣнію.

XXX. *Слушали:* Сообщенную Правленіемъ Кіевской духовной Академіи, на основаніи 109 § Уст. дух. акад., вѣдомость о наличныхъ суммахъ Академіи за мѣсяць февраль 1872 года по сей вѣдомости значится:

	наличными деньгами.	въ билетахъ кред. учрежд.	Итого.
Остатка къ 1-му февраля	2,995 р. 27 ³ / ₄ к.	187,591 р. —	190,586 р. 27 ³ / ₄ к.
Прихода въ теченіе февраля	104,477 р. 28 к.	— —	104,477 р. 28 к.
Итого.	107,472 р. 55 ³ / ₄ к.	187,591 р. —	295,063 р. 55 ³ / ₄ к.
Расхода въ теченіе февраля	17,458 р. 97 ³ / ₄ к.	— —	17,458 р. 97 ³ / ₄ к.
Остатка къ 1 марта	90,013 р. 58 к.	187,591 р. —	277,604 р. 58 к.

Постановлено: Принять къ свѣдѣнію.

XXXI. *Слушали:* Прошеніе приватъ-доцента Кіевской духовной Академіи Θεодора Гусева отъ 5 марта сего года: «Переѣздъ изъ Петербурга въ Кіевъ соединенъ былъ для меня, особенно какъ человѣка женатаго и обзаведшагося хозяйствомъ, съ денежными тратами на довольно крупную цыфру. Это заставляетъ меня покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи дать мнѣ пособіе, вознаграждающее денежные траты, вызванныя переходомъ на новое мѣсто и далекой поѣздкой».

Постановлено: Выдать г. Гусеву въ пособіе 200 руб. изъ специальныхъ суммъ Академіи, подлежащихъ расходу по усмотрѣнію Совѣта.

XXXII. *Слушали.* Заявленіе Ректора Академіи о томъ, что отъ Нижнедунайскаго епископа Мелхиседека получено имъ въ даръ

академической библиотекѣ сочиненіе его: «Lipovenismulu adica schismaticii sêu rascolnicii si ereticii rusesci». Bucuresci, 1871; каковое сочиненіе и представлено Совѣту Академіи.

Постановлено: Книгу сдать въ библіотеку, а Преосвященнаго Мелхиседека благодарить чрезъ Ректора Академіи.

XXXIII. *Слушали:* Докладъ секретаря Совѣта Академіи Ивана Исаева отъ 5 марта: «На основаніи п. 3, в. указа Святѣйшаго Синода отъ 13 мая 1870 года за № 1046 и § 124 академическаго устава благовременно Совѣту Академіи войти въ разсужденіе о вызовѣ семинарскихъ воспитанниковъ въ составъ новаго академическаго курса въ наступающемъ учебномъ году и относительно объявленія объ имѣющемъ быть приѣмѣ въ Академію.

Ему сему долгъ имѣю присовокупить, что а) указомъ Св. Синода отъ 13 мая 1870 г. постановлено академическому началству въ обязанность, чтобы оно на будущее время: 1) предназначало въ составъ академическаго курса воспитанниковъ преимущественно изъ тѣхъ семинарій, которыя составляли прежній учебный округъ Академіи, принимая при этомъ въ соображеніе количество учащихся въ каждой семинаріи и нужды епархій, въ которыхъ сіи заведенія находятся; 2) въ видахъ составленія академическаго курса изъ наилучшихъ воспитанниковъ, старалось комплектовать каждый курсъ преимущественно изъ семинарій преобразованныхъ по новому уставу и при томъ изъ тѣхъ, которыя получили преобразование за годъ, за три или пять лѣтъ до требованія въ Академію, и 3) по силѣ §§ 124 и 125 Уст. акад. не допускало вызова и приѣма въ Академію семинарскихъ воспитанниковъ, не кончившихъ курса ученія въ семинаріи.

б) Указомъ Св. Синода отъ 24 іюля 1869 г. № 2,847, вмѣнено въ обязанность 1) обозначать въ представленіяхъ, сколько именно изъ какой семинаріи предполагается нужнымъ вызвать воспитанниковъ въ составъ новаго академическаго курса примѣнительно

къ опредѣленному штатомъ числу студентовъ въ каждомъ курсѣ Академіи и б) комплектовать новыя курсы преимущественно изъ воспитанниковъ семинарій, преобразованныхъ по новому уставу».

в) По справкѣ оказывается, что, примѣнительно къ вышеупомянутому требованію указа Св. Синода можно вызывать изъ слѣдующихъ семинарій: 1) *преобразованныхъ*: а) *Московского округа*: Костромской, Рязанской, Владимірской, Вологодской, Калужской, Тульской, Вятской; б) *Казанскаго округа*: Нижегородской, Самарской, Пермской, Астраханской, Кавказской, Иркутской, Казанской; в) *Кіевского округа*: Донской; 2) *непреобразованныхъ* семинарій: а) *Московского округа*: Ярославской, Московской, Влоанской; б) *Казанскаго округа*: Уфимской, Тамбовской, Саратовской, Симбирской, Томской, Тобольской, Пензенской».

Постановлено: Сообразно предписаніямъ Святейшаго Синода предназначить къ вызову въ составъ новаго курса Кіевской духовной Академіи: 1) изъ *преобразованныхъ* семинарій: а) *Кіевского округа*: Донской одного воспитанника; б) *Московского округа*: Вологодской одного воспитанника, Владимірской, Вятской, Калужской, Костромской, Рязанской и Тульской по два воспитанника; в) *Казанскаго округа*: Нижегородской и Кавказской по два воспитанника, Самарской и Астраханской по одному воспитаннику; 2) изъ *непреобразованныхъ* семинарій: а) *Московского округа*: Ярославской одного воспитанника; б) *Казанскаго*—Тамбовской и Симбирской по два воспитанника, Пензенской, Саратовской и Уфимской по одному воспитаннику. О чемъ, на основаніи Уст. дух. акад. § 86, В. п. 1 чрезъ Его Высокопреосвященство, Митрополита Кіевского, представить въ Святейшій Синодъ.

XXXIV. *Слушали:* Предложеніе Ректора Академіи архимандрита Филарета: «15 іюня окончится академическій годъ (§ 132

Уст. дух. акад.). По § 138 Устава духовных академій, при переходѣ изъ курса въ курсъ студенты подвергаются экзаменамъ по установленнымъ правиламъ (§ 86. Б. п. 2). Нахожу благовременнымъ предложить Совѣту Академіи войти въ соображеніе о назначеніи времени и порядка производства испытаній въ Академіи».

Справка. Къ предметамъ занятій Совѣта, представляемымъ на утвержденіе епархіальнаго Преосвященнаго, относится между прочимъ и назначеніе времени и порядка производства испытаній въ Академіи § 86. Б. п. 2.

Постановлено: Помощникамъ ректора поручить составить и представить въ Совѣтъ проектъ производства экзаменовъ.

6 марта.

1872 года марта 6 дня въ собраніи Совѣта Киевской духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ ректора оной архимандрита *Филарета*, присутствовали: инспекторъ архимандритъ *Сильвестръ*; помощники Ректора по учебной части: *Д. Поспѣховъ*, и *И. Мальшевскій*; члены Совѣта: *П. Бобровицкій*, *К. Скворцевъ*, *П. Лашкаревъ*, *Ю. Подиурскій*, *А. Вороновъ* и *С. Сольскій*; ординарный профессоръ *Н. Щеголевъ*, экстраординарные профессора: священникъ *А. Воскресенскій*, *Ф. Терновскій*, *П. Лилицкій* и *Н. Петровъ*. Не присутствовалъ по уважительной причинѣ ординарный профессоръ *В. Пивницкій*.

1. *Слушали:* Отношенія Правленій: а) Минской духовной семинаріи отъ 24 февраля 1872 года за № 109. «Вслѣдствіе отношенія канцеляріи Совѣта Киевской духовной Академіи отъ 27 января сего 1872 года за № 39, Правленіе Минской духовной семинаріи имѣть честь увѣдомить Совѣтъ Академіи, что воспитанникъ ХХІV курса Киевской духовной Академіи *Фавстъ Прокоповичъ* вступилъ въ должность учителя Минской духовной семи-

наріи 20 ноябрі 1869 года, въ каковой состоитъ и въ настоящее время, и по сему прослужилъ въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ болѣе четырехъ мѣсячнаго срока, необходимаго, согласно опредѣленію Св. Синода отъ $\frac{12 \text{ августа}}{7 \text{ сентября}}$ 1864 г., для утвержденія въ ученой академической степени». 6) Курской духовной семинаріи отъ 13 февраля за № 65: «На отношеніе отъ 25 января сего 1872 года за № 35 Правленіе Курской семинаріи честь имѣетъ увѣдомить, что окончившій курсъ въ Киевской Академіи Георгій Введенскій проходитъ должность преподавателя при Курской духовной семинаріи съ 13 іюля 1869 года».

Справка 1. Фавстъ Прокоповичъ предназначенъ къ степени кандидата богословія по IV ст. журнала общаго собранія отъ 17 сентября 1871 г., а Георгій Введенскій по IV ст. журнала общаго собранія отъ 30 апрѣля того же года; при чемъ положено ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи ихъ въ предназначенныхъ степеняхъ, по полученіи свѣдѣній о прослуженіи ими въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ четырехъ мѣсяцевъ, на основаніи опредѣленія Св. Синода отъ $\frac{12 \text{ августа}}{7 \text{ сентября}}$ 1864 года.

Справка 2. Увѣдомленія Минскаго и Курскаго семинарскихъ правленій приняты во вниманіе при составленіи въ концѣ истекшаго февраля представленія за № 72 отъ имени Его Высокопреосвященства Митрополита Киевскаго въ Св. Синодъ объ утвержденіи нѣсколькихъ воспитанниковъ XXIII и XXIV курсовъ, именно Фавстъ Прокоповичъ и Георгій Введенскій внесены въ это общее представленіе.

Постановлено: Отношенія Минскаго и Курскаго семинарскихъ правленій приобщить къ дѣламъ.

II. *Слушали:* Представленіе церковно-практическаго отдѣленія отъ 2 марта 1872 года: «Вслѣдствіе постановленія Совѣта,

состоявшагося 19 ноября 1871 года, комиссія поручила рассмотреть сочиненія «Св. Григорій Двоесловъ, его проповѣди и гомилетическія правила», представленнаго профессоромъ Академіи Василіемъ Пѣвницкимъ на ученую степень доктора богословія, экстраординарнымъ профессорамъ Петру Лашкареву и Николаю Петрову. Получивъ же отъ нихъ отзывы о достоинствѣ сочиненія, прямо противорѣчащіе одинъ другому, комиссія нашла нужнымъ поручить рассмотрение сочиненія еще одному изъ членовъ отдѣленія и поручила это доценту Θεодору Смирнову, съ тѣмъ, чтобы онъ, по прочтеніи, представилъ о немъ свой отзывъ. По соображеніи всѣхъ трехъ отзывовъ профессоровъ П. Лашкарева, Н. Петрова и доцента Θ. Смирнова, комиссія пришла къ заключенію, что представленное профессоромъ В. Пѣвницкимъ сочиненіе удовлетворяетъ требованіямъ для полученія степени доктора богословія. О чемъ комиссія имѣетъ честь представить въ Совѣтъ, прилагая при семъ отзывы разсматривавшихъ сочиненіе профессора Пѣвницкаго».

Отзывы о сочиненіи профессора Киевской Академіи *Василія Пѣвницкаго* подъ заглавіемъ: «Св. Григорій Двоесловъ, его проповѣди и гомилетическія правила».

1) *Экстраординарнаго профессора Николая Петрова*: «Главный предметъ сочиненія составляютъ собственно гомилетическіе труды Св. Григорія Двоеслова. Какъ литературныя произведенія, они должны бы, по видимому, стоять въ тѣсной связи со всѣми литературными произведеніями вѣка. Но, какъ кажется, авторъ очень дорожитъ самостоятельностью гомигетики, какъ науки отдѣльной отъ исторіи всеобщей литературы, и во имя этой самостоятельности опасается смѣшивать гомилетическія произведенія съ общелитературными, а потому считаетъ излишнимъ дѣлать полную историколитературную обстановку дѣятельности Св. Григорія и ограничивается только характеристикой его умственно-религіознаго и нравственнаго настроенія, какъ оно образовалось въ его духовной натурѣ подъ вліяніемъ элементовъ его времени.

*

Если можно так выразиться, авторъ показываетъ только начатки нитей, которыми связывается проповѣдное слово съ литературными явленіями общаго характера и элементами своего времени, и обрѣзываетъ эти нити, какъ скоро онѣ болѣе или менѣе удаляются отъ проповѣднаго слова и идутъ въ глубь чужой для автора области всеобщей литературы и цивилизаціи. Вслѣдствіе этого и самая проповѣдь является въ опредѣленіяхъ автора значительно отрѣщенной отъ временныхъ условій и почти не имѣющею развитія, по крайней мѣрѣ, со стороны содержанія. «Такъ какъ проповѣдь,—говоритъ авторъ,—основывается на одномъ неизбѣжномъ основаніи вѣры Христовой, то здѣсь нѣтъ борьбы и развитія взглядовъ и мнѣній, какія даютъ содержаніе исторіи сознанія человѣческаго. Не мѣняются здѣсь такъ, какъ въ широкой области литературы и предметы, на которыхъ останавливается вниманіе проповѣдниковъ, въ особенности когда проповѣдь всецѣло примыкаетъ къ св. Писанію» (стр. 282; см. стр. 24). Единственное развитіе, возможное для цѣлковой проповѣди, ограничивается, по мнѣнію автора, методою раскрытія церковной проповѣди. «Чаще всего въ исторіи проповѣдничества всевліяніе извѣстнаго дѣятеля на своихъ преемниковъ ограничивается методою раскрытія истины церковной, и въ этой внѣшней сторонѣ одной замѣтно у сильнаго представителя проповѣди нѣчто новое и оригинальное, которое отъ него переходитъ къ позднѣйшимъ дѣятелямъ церковнаго слова: въ преемственномъ ряду проповѣдниковъ вліяніе одного на другаго проявляется больше въ области вкуса, чѣмъ въ области внутренняго пониманія вѣры, и форма въ проповѣдяхъ чаще подвержена измѣненію, чѣмъ матерія» (стр. 282). Соотвѣтственно этому, и въ проповѣднической дѣятельности Св. Григорія Двоеслова авторъ различаетъ содержаніе и внѣшнюю форму и только въ послѣдней видитъ нѣкоторое движеніе и развитіе. Напротивъ, содержаніе проповѣди Св. Григорія Двоеслова не представляетъ изъ себя ничего новаго.

Это—общія истины о домостроительствѣ нашего спасенія. Даже самый нравственно-религіозный характеръ Григорія Двоеслова, опредѣляющій собою проповѣдническую его дѣятельность, обозначается родовыми чертами и общехристіанскими добродѣтелями, наковы напр. благочестіе, смиреніе, духъ любви и т. п. Каждая изъ этихъ чертъ, взятая въ отдѣльности, мало содѣйствуетъ изображенію индивидуальныхъ чертъ личности св. Григорія, и только въ своей совокупности онѣ представляютъ въ идѣальномъ свѣтѣ личность св. Григорія съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ характеромъ. Можно не соглашаться съ развитымъ у автора понятіемъ о проповѣдномъ словѣ и отношеніи его къ общей литературѣ; но нельзя не отдать автору чести за его попытку сдѣлать свою науку самостоятельною и за строгое примѣненіе выработанныхъ имъ понятій о проповѣди къ предмету изслѣдованія. Установивъ опредѣленную точку зрѣнія на предметъ, авторъ остается вѣренъ ей во всѣхъ частностяхъ изслѣдованія и развиваетъ ее въ строгой связи и послѣдовательности. Онъ не говоритъ подробно даже о діалогахъ св. Григорія Двоеслова и его дѣятельности относительно устроенія обрядовъ римской церкви и главнымъ образомъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на проповѣднической дѣятельности св. Григорія, практической и теоретической, предпославъ своему изслѣдованію этой дѣятельности общую краткую характеристику св. отца. Такимъ образомъ изслѣдованіе автора складывается изъ трехъ главныхъ частей: характеристики св. Григорія, его проповѣдничества и ученія о проповѣдничествѣ. Эти три части исчерпываютъ весь избранный предметъ съ той точки зрѣнія, какую установилъ авторъ, и слѣдуютъ одна за другою въ естественномъ порядкѣ. При этомъ можно только замѣтить, что послѣднюю часть, заключающую въ себѣ гомилетическую теорію Двоеслова, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы сопоставить съ проповѣдями самаго Григорія и показать соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе между ними, а для этого поставить ее

напереді трактата о проповѣдничествѣ. Но этого авторъ не сдѣлалъ, какъ кажется потому, что разсматривалъ различныя стороны проповѣднической дѣятельности св. Григорія въ порядкѣ ихъ важности и значенія и отдалъ преимущество его гомилетической теоріи предъ практикою. «Теоретическими указаніями,—говоритъ авторъ,—онъ т. е. Григорій, едва ли не больше имѣлъ вліянія на современниковъ и потомство, чѣмъ своимъ примѣромъ или проповѣдническою практикою» (стр. 296). Частныя отдѣлы изслѣдованія тоже развиты логически, полно и разносторонне.

Не менѣе важна и внѣшняя сторона или изложеніе сочиненія, носящее на себѣ рѣзкій индивидуальный характеръ. Большая часть нашихъ ученыхъ отличается безцвѣтностію, безхарактерностію изложенія: у всѣхъ ихъ болѣе или менѣе видна сухая, строгая мысль, выражаемая техническими учеными терминами и фразами. Въ этомъ отношеніи авторъ разсматриваемаго сочиненія представляетъ изъ себя счастливое исключеніе. Онъ самъ требуетъ отъ другихъ живаго литературнаго изложенія, которое бы отличалось органической силой и плавностію теченія (стр. 219), и эти требованія вполне осуществляетъ въ своемъ изслѣдованіи. Оно не есть мертвый остовъ или скелетъ, состоящій изъ однѣхъ сухихъ мыслей, но живое органическое цѣлое, облеченное образами фантазіи и согрѣтое теплотою чувства, такъ что изложеніе авторомъ ученыхъ предметовъ можно назвать ораторскимъ и мѣстами даже поэтическимъ изложеніемъ. Вотъ для примѣра одинъ отрывокъ, взятый наудачу: «Въ вѣгъ св. Григорія Двоеслова приемы библейской экзегетики перешли изъ древнихъ временъ съ авторитетомъ практики, освященной многими достопамятными именами и утвержденной успѣхомъ многихъ твореній, ею пользовавшихся: св. Григорій идетъ по испытанному пути, когда въ евангельскихъ чтеніяхъ ищетъ сокрытаго таинственнаго смысла. Но уже не стало того сильною и кипучаго духа идей, который въ аллегоріи находилъ возбужденіе къ глу-

бокомысленнымъ сооруженіямъ,—не стало потому, что на томъ распутии древнихъ и новыхъ временъ, въ которомъ пришлось дѣйствовать св. Григорію, завяла и иссохла творческая мысль. Аллегорія сдѣлалась сухою формальною категорією и имѣла значеніе механическаго снаряда, которымъ пользовалась въ своей дѣятельности пассивная мысль, не подчиняя его себѣ, а напротивъ подчиняясь ему, какъ яру, наложенному другими» (стр. 217—218). Порой эти учено-ораторскія или учено-поэтическія картины насквозь пропитаны личнымъ чувствомъ автора, особенно выражающимся въ его лирическихъ обращеніяхъ къ современности. «Не зналъ св. Григорій,—говоритъ авторъ,—къ чему приведетъ его преемниковъ это вмѣшательство церковной іерархіи въ мірскія дѣла. А то бы еще болѣе жгучимъ потокомъ горькихъ слезъ разлился надъ губительною болѣзнію западной церкви и со всею силою убѣжденія сталъ бы завѣщать будущимъ временамъ остерегаться тѣхъ подводныхъ камней, которые грозили разрушеніемъ кораблю церкви, и стараться о возвращеніи къ той первоначальной святости, какою блистала церковь въ древніе времена» (стр. 182—3). Въ другомъ мѣстѣ, изложивъ мысль св. Григорія о томъ, что невѣдѣніе пастырей служитъ наказаніемъ Божиимъ, вызваннымъ поведеніемъ пасомыхъ, авторъ замѣчаетъ: «Мы желали бы на эту мысль обратить вниманіе нашего общества, въ которомъ многіе такъ любятъ слать сильные укоры цѣлому духовному сословію за его отсталость и малообразованность. У насъ нѣтъ сильныхъ вліятельныхъ проповѣдниковъ между пастырями. Такой укоръ часто обращаютъ въ лицо нашему духовенству. Положимъ, что онъ справедливъ; но въ свою очередь имѣемъ право спросить, не соответствуетъ ли вполнѣ такое малоотрадное положеніе нашего пастырства заслугамъ пасомыхъ, и въ нравственныхъ страданіяхъ, отсюда вытекающихъ, не виноваты ли вмѣстѣ съ пастырями и тѣ, среди которыхъ живутъ они...?» (стр. 314). Такое живое одушевленное изложеніе и худо-

жественный, образный языкъ служатъ у автора средствами къ проведенію научныхъ идей въ массу общества и дѣлаютъ его сочиненія доступными не для одной только касты ученыхъ, но и для большинства публики. Эти качества изложенія, вмѣстѣ съ другими обстоятельствами, сдѣлали автора общественнымъ проповѣдникомъ и однимъ изъ видныхъ дѣятелей на поприщѣ русской духовной литературы. И такъ, по нашему мнѣнію, рассматриваемое сочиненіе имѣетъ за собою несомнѣнные достоинства какъ съ внутренней, такъ и выѣшней стороны. Но все это достоинства, вытекающія изъ разбора самаго сочиненія, безъ отношенія къ той цѣли, съ какою оно представлено. Представлено оно для полученія докторской степени. А отъ такихъ сочиненій «требуется самостоятельная разработка предмета». По нашему мнѣнію, рассматриваемое сочиненіе удовлетворяетъ и этой цѣли. Это трудъ вполнѣ самостоятельный, основанный главнымъ образомъ на первоисточникахъ. «Изъ всѣхъ сторонъ дѣятельности св. Григорія Великаго его проповѣдничество менѣе всѣхъ было изучаемо и разбираемо»,— говоритъ самъ авторъ объ источникахъ западныхъ, «и если изъ написаннаго о св. Григоріѣ разными лицами и въ разные времена можно составить цѣлые томы, то въ этихъ томахъ его проповѣдничеству посвящены самыя скудныя страницы, на которыхъ записано только, сколько проповѣдей осталось отъ св. Григорія и при какихъ обстоятельствахъ говорены онѣ. Объ ихъ характерѣ, содержаніи и достоинствахъ можно найти двѣ—три общія фразы, мало свидѣтельствующія объ ихъ внимательномъ изученіи» (стр. 2). Если такъ мало изслѣдована была проповѣдническая дѣятельность св. Григорія на западѣ, вообще богатомъ богословскими изслѣдованіями, то тѣмъ болѣе она не тронута была доселѣ нашими отечественными учеными. Мало того: у насъ въ Россіи еще не существуетъ и исторіи гомилетики, какъ она существуетъ на западѣ. Авторъ рассматриваемаго сочиненія первый обогатилъ русскую духовную науку нѣсколькими

учеными трактатами изъ исторіи проповѣдничества, между которыми разсматриваемое сочиненіе занимаетъ видное мѣсто, какъ трудъ вполне самостоятельный и капитальный».

2) *Экстраординарнаго профессора Петра Лашкарева*: «Настоящее сочиненіе, какъ говоритъ самъ авторъ его, имѣетъ специальное отношеніе къ исторіи проповѣдничества (стр. 1),— относится, слѣдовательно, къ такой, неочатой почти для нашей богословской литературы, области, что всякій опытъ сколько нибудь научнаго изслѣдованія въ ней не можетъ не быть привѣтствуемъ, какъ отрадное явленіе.

Къ сожалѣнію, изъ широкой и весьма богатой области исторіи проповѣдничества авторъ избралъ для своего сочиненія предметъ довольно неблагоприятный. Какъ замѣчаетъ онъ же самъ, проповѣдничество Григорія Великаго менѣе всего было изучаемо и разбираемо учеными изслѣдователями разныхъ сторонъ дѣятельности этого отца (стр. 2). Обращало оно на себя такъ мало вниманія изслѣдователей потому, конечно, что не представляло собою на ихъ взглядъ ничего замѣчательнаго, кромѣ факта своего существованія. Авторъ и самъ въ одномъ мѣстѣ сознается, что «Св. Григорій Двоесловъ не обладалъ талантомъ Златоуста, и его проповѣдь не развиваетъ особаго круга идей, не обладаетъ широтою содержанія и не высказываетъ силы краснорѣчія», и что ученый интересъ ей придаетъ только мѣсто, гдѣ говорилась она, время, въ какое говорилась, и лицо проповѣдника (стр. 125): тѣмъ не менѣе, отводя и при этомъ Григорію Великому въ исторіи латинской проповѣди самое видное мѣсто, авторъ не задумывается посвятить его проповѣдничеству объемистое специальное сочиненіе.

Предметъ, и безъ того мало общавшій положительнаго содержанія, авторъ съузилъ затѣмъ еще болѣе, поставивъ свою задачу не «рѣшеніе вопросовъ, касающихся, какъ говоритъ онъ, виѣшней стороны проповѣдническихъ произведеній,—о ихъ под



линности и происхожденіи, ихъ изданіяхъ и большей или меньшей извѣстности, и вообще всего того, что составляетъ введеніе въ изучаемыя книги или проповѣди, а опредѣленіе и уясненіе внутренней стороны проповѣдей или содержанія, въ нихъ раскрывающагося, и методы раскрытія» (стр. 24). Эта-то сторона проповѣдей Григорія Великаго, по словамъ автора, особенно была необходима изслѣдователями: «Объ ихъ характерѣ, содержаніи и достоинствѣ,—замѣчаетъ онъ,—можно найти двѣ три общія фразы, мало свидѣтельствующія объ ихъ внимательномъ изученіи» (стр. 2). Авторъ и на этотъ разъ признается самъ же, что избираемая имъ сторона предмета вообще не обращаетъ на себя особаго вниманія въ исторіи литературы потому, между прочимъ, что «содержаніе проповѣдей, основывающихся на неизмѣнномъ словѣ Божіемъ, не представляетъ собою такого разнообразія и типической характерности, какія имѣютъ другія литературныя произведенія, и... что отрывочный видъ, въ какомъ существуютъ проповѣди, препятствуетъ составленію о нихъ цѣльнаго и отчетливаго представленія, и требуетъ не мало кропотливой работы и напряженія синтезирующей мысли для того, чтобы въ раздробленныхъ частяхъ проповѣди найти единое и цѣлое, и въ тоже время личное и оригинальное»: и все-же, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ ученаго, принимается за этотъ мало благодарный трудъ, обѣщая «понять проповѣдь (отца) не какъ мертвое произведеніе, а какъ живое церковно-историческое слово, отмѣченное печатію личнаго генія» (стр. 24).

Для этой цѣли авторъ находитъ необходимымъ только сопоставить проповѣдь отца съ тѣми «временными вліяніями, подъ которыми она опредѣлилась, и привести въ связь съ характеромъ и историческою роллю самаго проповѣдника». Въ полной исторической картинѣ времени онъ не находитъ, впрочемъ, для этого нужды, а полагаетъ «достаточнымъ предпослать уясненію и опредѣленію характера и направленія проповѣди Св. Григорія очеркъ

личности его, какою она является въ исторіи и литературѣ», и при томъ—не въ видѣ полной біографіи проповѣдника, а въ видѣ «характеристики его умственно-религіознаго и нравственнаго строенія, какъ оно образовалось въ его духовной натурѣ подѣ вліяніемъ элементовъ времени». Образъ св. отца, такъ обрисованный, по обѣщанію автора, не только «послужитъ къ уясненію одного его проповѣдничества; но какъ типическій образъ лица, совмѣщавшаго и переработывавшаго въ себѣ элементы, вращавшіеся въ его времени, можетъ быть представителемъ цѣлыхъ поколѣній, въ которомъ легко узнавать родовыя черты его современниковъ и потомковъ» (стр. 25). Но задавшись слишкомъ узкою задачею и выговоривъ для выполненія ея ограниченное—въ существѣ, хотя на языкѣ его и многообщающее—средство, авторъ самъ же выразилъ какъ бы невольное признаніе скудости научныхъ результатовъ, до которыхъ предполагалъ дойти, присоединивъ къ своему обозрѣнію проповѣдническихъ и, какъ называетъ онъ,—гомилетическія творенія отца (стр. 1). Подѣ этими гомилетическими твореніями отца онъ разумѣетъ главнымъ образомъ *Книгу о пастырскомъ служеніи* (*Liber pastoralis curae*) св. Григорія Великаго, въ которой послѣдній, по словамъ автора, изложилъ будто бы «свои теоретическія руководственныя указанія касательно проповѣдническаго служенія» (стр. 23). Авторъ не говоритъ, чтобы предполагаемая теорія проповѣдническаго служенія, находимая имъ въ твореніяхъ отца, стояла въ какой либо связи съ проповѣдями его и знакомство съ нею почему либо было необходимо для опредѣленія и уясненія внутренней стороны проповѣдей Григорія Великаго, что составляетъ главную задачу его изслѣдованія. Онъ просто ставитъ ее другимъ, параллельнымъ главному, предметомъ своего сочиненія, замѣтивъ только, будто «исторія проповѣдничества не можетъ не посвящать ей всей полноты своего вниманія для уясненія проповѣди (*не Григорія, а*) временъ Григорія и послѣдующихъ за

нимъ» (стр. 25). Почему и дѣлитъ все сочиненіе свое на три отдѣла, изъ коихъ въ первомъ представляетъ очеркъ личности проповѣдника, — второй посвящаетъ разсмотрѣнію и опредѣленію содержанія, характера и направленія его проповѣди, а въ третьемъ излагаетъ правила, составляющія предполагаемую гомилетическую теорію отца. Колебаніе автора предъ имъ же самимъ постановленною задачею не ограничилось, впрочемъ, присоединеніемъ къ ней предмета нисколько не облегчающаго выполнение, хотя и отнимающаго у его сочиненія единство. И въ очеркъ личности св. отца, и при разсмотрѣніи и опредѣленіи содержанія, характера и направленія проповѣди его, авторъ не держится достаточно твердо въ предначертанныхъ для себя границахъ. Это постоянное колебаніе его не могло, конечно, не отозваться неблагоприятнымъ образомъ какъ на общемъ логическомъ строѣ сочиненія, такъ и на значеніи научномъ тѣхъ результатовъ, къ которымъ въ заключеніе приходитъ авторъ.

Первый отдѣлъ сочиненія, озаглавливаемый авторомъ: *характеристика св. Григорія Двоеслова*, изложенъ весьма обширно. Онъ занимаетъ почти около трети всего сочиненія и дѣлится на четыре главы, изъ коихъ въ первой излагаются *годы воспитанія и первоначальнаго служенія св. Григорія*, во второй — *настроеніе св. Григорія и его служебная дѣятельность*, въ третьей — *характеръ отца*, и въ четвертой, наконецъ, его *сладъ мысли и литературная дѣятельность*. Конечно, различеніе въ этой характеристикѣ съ обрисовкою въ отдѣльной главѣ настроенія напр., св. отца отъ его характера и склада мыслей, можетъ въ обыкновенномъ сочиненіи казаться излишнею топкою; хотя, предположивъ извлечь всѣ ученые данныя для рѣшенія своей главной задачи единственно изъ личности отца, какъ она обрисовалась въ исторіи, авторъ естественно долженъ былъ допустить не только нѣкоторыя тонкости, но подъ часъ и натяжки. Авторъ на этотъ разъ оставался еще вѣрнымъ предна-

чертанному имъ для себя пути. Колебаніе же его на этомъ пути выразилось въ томъ, что при составленіи характеристики отца, кромѣ прямой своей задачи — уяснить этимъ средствомъ характеръ и направленіе проповѣди его, онъ задался мыслію, въ опроверженіе сужденій историковъ о нѣкоторыхъ фактахъ изъ жизни и дѣятельности Григорія Великаго, показать, что отецъ во всевозможныхъ отношеніяхъ былъ именно человѣкъ святой, вполне безупречный. Конечно, благоговѣніе предъ памятью лица, причисленнаго церковію къ лику святыхъ, само по себѣ можетъ дѣлать только честь благочестивому чувству автора. Но въ данномъ сочиненіи, которое, по его же собственнымъ словамъ, «имѣетъ специальное отношеніе къ исторіи проповѣдничества» (стр. 1), выступленіе автора на защиту отца съ тѣхъ сторонъ, которыя не имѣютъ отношенія къ проповѣдничеству его, до такой степени отвлекаетъ его отъ главной его задачи, что настоящее значеніе біографическаго очерка въ связи съ цѣлымъ сочиненіемъ читатель можетъ уяснить для себя только со словъ автора, высказанныхъ имъ въ части вступительной. Притомъ, это желаніе автора защитить непременно память св. отца вызвало съ его стороны нѣкоторые приемы довольно своеобразные. Личность св. Григорія Великаго и его историческая дѣятельность, по словамъ автора же, привлекали къ себѣ вниманіе весьма многихъ изслѣдователей. Въ началѣ сочиненія приведенъ длинный рядъ писателей, посвящавшихъ этому предмету свои труды, иногда весьма обширные (стр. 2—13). Нѣкоторые изъ этихъ писателей, по замѣчаніямъ автора, «относятся къ св. отцу съ необычайнымъ благоговѣніемъ и не находятъ у него ни одного факта, который бы могъ вызвать критическое сужденіе историка». Таковы болѣе древніе католическіе писатели. Но есть довольно и такихъ, позднѣйшихъ, которые, по словамъ автора, «относятся съ критикою, иногда очень придирчивою, къ дѣятельности св. Григорія и тѣмъ представленіямъ, какія о немъ сообщали прежніе католическіе біографы». Послѣднее, критическое

отношеніе авторъ находилъ преимущественно у церковно-литературныхъ историковъ (стр. 4—5). Такимъ образомъ черты для обрисовки личности св. Григорія имѣются болѣе или менѣе опредѣленными и уясненными у предшествующихъ писателей. Но авторъ, отзываясь съ сожалѣніемъ о тѣхъ изъ нихъ, которые дозволяли себѣ подвергать «критикѣ дѣйствія и черты прославленнаго историческаго дѣятеля» (стр. 5), принявъ въ руководство именно прежнихъ католическихъ біографовъ, съ энергіею отстаивая ихъ воззрѣнія противъ сужденій другихъ писателей. Но и этимъ біографамъ онъ, однакоже, не во всемъ слѣдуетъ безусловно. Задавшись мыслию представить въ Григоріѣ Великомъ идеаль святаго, онъ заимствуетъ у нихъ преимущественно тѣ черты, которыя подходятъ къ этому идеалу, какъ онъ представляется самому автору; исправляетъ ихъ сужденія и рассказы тамъ, гдѣ эти сужденія и рассказы подъ него не подходятъ; а иногда простое предположеніе біографа, если оно согласно съ воззрѣніемъ автора, принимаетъ и развиваетъ какъ дѣйствительный фактъ, и т. п. Авторъ, вслѣдствіе этого, представляетъ Григорія Великаго человѣкомъ съ женственнымъ характеромъ, имѣющимъ мягкую, деликатную, нѣжную и впечатлительную натуру, которая проявлялась сентиментальностію, сострадательностію, милосердіемъ, мягкимъ отношеніемъ къ подчиненнымъ и дѣтямъ, и самымъ искреннимъ и глубокимъ смиреніемъ. Настроеніе отца, въ виду современныхъ ему политическихъ обстоятельствъ Италіи, авторъ рисуетъ до такой степени аскетическимъ или монашескимъ (авторъ вообще не отличаетъ аскетизма отъ монашества), что представляетъ отца еще въ молодыхъ лѣтахъ равнившимся оставить міръ, а когда послѣ недолгаго пребыванія въ монастырѣ Григорій Великій былъ избранъ епископомъ римскимъ, до такой степени горько оплакивавшимъ потерянное уединеніе, что только привычка могла умѣрить его чувства, но не могла уничтожить его исключительной любви къ монашеству, выразившейся въ пре-

имущественномъ, даже пристрастномъ покровительствѣ монастырямъ, въ заботахъ о размноженіи и благосостояніи ихъ, и проч. Говоря о складѣ мыслей св. отца, авторъ прежде всего отмѣчаетъ въ немъ исключительную приверженность къ высокому ученію христіанскаго откровенія, доходившую до полного отрицанія свѣтской науки и мудрости міра. Логической силы ума и углубленія въ сущность предмета авторъ не находитъ у отца, хотя онъ, по словамъ его, и любитъ созерцаніе; *главною же работающею силою* въ немъ признаетъ благочестивое воображеніе. Зато авторъ признаетъ св. Григорія великимъ моралистомъ, проповѣдующимъ «не только нравственную чистоту, но и усиленное монашеское подвижничество, доступное не для всѣхъ» (стр. 109), и человѣкомъ набожнымъ, съ простотою открытой души относящимся къ рассказамъ о чудесныхъ видѣніяхъ и необыкновенныхъ подвигахъ аскетовъ и стоявшимъ напереди другихъ изъ своего вѣка въ чувствѣ вѣры, въ обиліи чудодѣйственной духовной силы, дѣйствующей въ церкви чрезъ одушевленные и неодушевленные сосуды (стр. 110 и дал.). Всѣ эти характеристическія черты Григорія Великаго авторъ старается обставить фактами изъ дѣтства и жизни отца, и ссылками на переписку и другія творенія его. Но вступая въ эту фактическую область и встрѣчаясь съ данными, слишкомъ ясно стоящими въ разрѣзъ съ его характеристикой отца, авторъ самъ же невольно даетъ замѣтить несостоятельность послѣдней. Выставляя «кореннымъ стремленіемъ, заправлявшимъ мыслию и волею св. Григорія» его стремленіе къ монашескимъ подвигамъ и уединенію (стр. 36), авторъ не нашелъ возможнымъ игнорировать «неутомимую, широкую и многообъемлющую», какъ называетъ самъ же, дѣятельность отца, по которой послѣдній «поддерживалъ самыя широкія связи и принималъ живое участіе и въ великихъ и въ мелкихъ интересахъ своего времени, не только церковныхъ, но и гражданскихъ» (стр. 50—51). Чтобы примирить одно съ другимъ, авторъ признаетъ

въ жизни и дѣятельности св. отца «нѣкоторое раздвоеніе», объясняя его волею Провидѣнія, указывавшаго ему «не тотъ путь, какой онъ избиралъ для себя по своимъ аскетическимъ желаніямъ», почему св. отецъ, по словамъ его, «къ одному стремится, а къ другому вызывается, одного желаетъ, а другое дѣлаетъ» (стр. 37). Также точно, приписавъ св. Григорію наслѣдованную отъ матери нѣжную, мягкую, любовную и сострадательную натуру и встрѣтивъ факты, говорящіе о характерѣ нѣсколько иного свойства, авторъ находитъ нужнымъ предостеречь читателя отъ ошибочнаго заключенія, будто Григорій Великій «не имѣлъ надлежащей *стойкости* въ дѣлѣ, былъ уступчивъ въ сношеніяхъ съ другими», и т. п. «Натура его, прибавляетъ онъ, была нѣжная деликатная, но въ тоже время упругая и устойчивая»; а самую деликатность поясняетъ допущеніемъ эпитета «изворотливая» (стр. 78). Такъ какъ и при этомъ оказывались факты не подходящіе, авторъ вину за нихъ относитъ уже къ отцу, замѣчая, что у него «не было строгой послѣдовательности и всегдашней вѣрности себѣ», что въ извѣстномъ случаѣ «совмѣщалось у него нѣсколько факторовъ, и каждый болѣе или менѣе подчинялъ себѣ его волю» (стр. 69), или что данное дѣйствіе «въ общей совокупности его дѣйствій было непослѣдовательностію въ отношеніи къ его началамъ и характеру» (стр. 71).

Второй отдѣлъ сочиненія, озаглавливаемый: *памятники проповѣдничества св. Григорія Двоеслова*, состоитъ изъ шести главъ. Первая надписывается: *Перечень проповѣдей св. Григорія. Отношеніе ихъ къ св. Писанію и къ запросамъ своего времени. Основной тонъ ихъ*. Вторая—*Бесѣды на Евангеліе. Ихъ исторія*. Третья—*Содержаніе бесѣдъ Григорія Двоеслова на Евангеліе*. Четвертая—*Внѣшніе приемы проповѣдническаго изложенія въ бесѣдахъ св. Григорія Двоеслова*. Пятая—*Бесѣды на пророка Іезекиіля*. Шестая—*Вліяніе проповѣдническихъ трудовъ св. Григорія Двоеслова на послѣдующихъ дѣятелей про-*

поповдничества. Изъ самаго надписанія этихъ главъ уже видно, что авторъ неограничивается во второмъ отдѣлѣ, какъ предполагалъ, только внутреннею стороною проповѣдей, а вводитъ и такіе вопросы, которые касаются стороны вѣдѣнной и которые, по его словамъ, не должны бы имѣть мѣста въ его изслѣдованіи. Дѣйствительно, разсужденія, напр., автора о томъ, сколько ли именно бесѣдъ говорилъ Григорій Великій, сколько ихъ дошло до насъ (въ гл. 1), или подробности о томъ, во время какихъ службъ церковныхъ и по какимъ церквамъ говорилъ проповѣди св. отецъ, и т. п. (гл. 2), не могутъ не утомлять вниманіе читателя, ожидающаго отъ автора рѣшенія обѣщанной имъ существенной задачи, и кажутся большимъ или меньшимъ уклоненіемъ отъ ней. Но не этимъ только ограничивается неожиданность постановки этого отдѣла у автора.

Объщая въ характеристикѣ умственно-религіознаго и нравственнаго настроенія св. отца дать средство къ уясненію не только одного его проповѣдничества, но и цѣлыхъ поколѣній современниковъ и потомковъ (стр. 25), и представивъ эту характеристику въ первомъ отдѣлѣ сочиненія, авторъ начинаетъ второй отдѣлъ новою характеристикой Григорія В., хотя уже какъ проповѣдника, и отличительныя свойства проповѣди его уясняетъ сопоставляя ее не столько съ личнымъ настроеніемъ отца, сколько съ обстоятельствами и духомъ времени, равно и съ характеромъ и направленіемъ проповѣди и литературы церковной, предшествующей проповѣди отца. Правда, авторъ нигдѣ не становится въ прямое противорѣчіе съ тѣмъ, что говорилъ о складѣ мыслей, характерѣ и направленіи Григорія Великаго въ первомъ отдѣлѣ; а приемы его на этотъ разъ имѣютъ даже сравнительно болѣе ученый характеръ. Но сопоставляя тотъ и другой отдѣлъ между собою и принимая въ соображеніе связь, въ которой должны бы стоять они по намѣренію автора, нельзя не признать, что построеніемъ втораго отдѣла авторъ, — если не разрушаетъ,

то въ значительной мѣрѣ замѣняетъ первый, и отчасти исправляетъ ошибку, допущенную имъ въ общемъ планѣ своихъ учебныхъ работъ, хотя исправляетъ нѣсколько поздно.

Съ другой стороны, намѣтивъ въ части вступительной задачу сочиненія, какъ опредѣленія содержанія и характера проповѣди отца и распространившись о томъ, сколько требуется «кропотливой работы и напряженія синтезирующей мысли для того, чтобы въ раздробленныхъ частяхъ проповѣди найти единое и цѣлое, и въ тоже время личное и оригинальное» (стр. 25), авторъ давалъ предполагать, что во второмъ отдѣлѣ онъ представитъ въ синтетическомъ видѣ результаты подробнаго изученія проповѣдей отца, не упуская изъ виду, по возможности, ни одной сколько нибудь замѣчательной, догматической или нравственной, раскрывающейся въ нихъ мысли, — познакомить съ системою вѣроученія и нравоученія, заключающеюся «въ раздробленныхъ частяхъ проповѣди». А между тѣмъ онъ, хотя и надписываетъ одну изъ главъ этого отдѣла: *Содержаніе бесѣдъ Григорія Двоеслова на Евангеліе*, указываетъ въ этой главѣ только общую мысль, которая будто бы частице раскрывается во всѣхъ бесѣдахъ, и занимается главнымъ образомъ характеризованіемъ направленія проповѣдей отца. При разборѣ же въ пятой главѣ бесѣды на пророка Іезекиіля не указываетъ даже и такой общей мысли. Все знакомство читателя съ содержаніемъ бесѣдъ онъ ограничиваетъ вообще знакомствомъ его съ тѣми или другими выдержками изъ нихъ, которыя приводятъ или въ подтвержденіе той или иной характеристической черты проповѣди, или просто потому, что онѣ показались ему «любопытными». Да и самыя эти характеристическія черты авторъ не столько извлекаетъ изъ проповѣдей, сколько выведенныя изъ другихъ основъ подтверждаетъ выдержками изъ проповѣдей. Этими основами у него и служатъ обстоятельства мѣста и времени, равно и церковно-литературныя вліянія, подъ которыми проповѣдникъ находился, и съ которыми проповѣдь отца

авторъ въ этомъ отдѣлѣ сопоставляетъ. Но потративъ много времени и труда на обрисовку личности Григорія В., въ которой одной предполагалъ первоначально представить всѣ данныя для уясненія содержанія и характера его проповѣди, авторъ сравнительно уже слишкомъ мало посвятилъ вниманія отысканію для той же цѣли новаго рода данныхъ.

Изъ обстоятельствъ времени авторъ останавливается главнымъ образомъ на политическомъ состояніи Рима,—Рима, какъ онъ выражается, погибшаго, подавляемаго и поработчаемаго наплывомъ враждебныхъ варварскихъ силъ (стр. 134 и др.). Къ нимъ не разъ онъ прибѣгалъ для уясненія представляемой имъ характеристики отца; къ нимъ же то и дѣло возвращается и при разборѣ проповѣдей его. Изъ этихъ обстоятельствъ онъ выводитъ а) *основной тонъ* проповѣдей Григорія В.—*меланхолію и тихую грусть*, которую будто бы «отпечатлѣно его проповѣдное слово» (стр. 133—136). Изъ нихъ же б) возникаетъ у него мысль о *знаменіяхъ кончины міра и близости послѣдняго* (страшнаго) *суда*, которая будто бы служитъ *основною темою* бесѣдъ отца на Евангеліе (стр. 151—153). На основаніи этихъ же обстоятельствъ онъ в) приписываетъ нравоученію отца характеръ *аскетическій* (стр. 157 и дал.), и г) въ общемъ тонѣ бесѣдъ на Евангеліе слышитъ *отголосокъ своего смутнаго времени*, наводившаго на всѣхъ скорбь и уныніе», по которому онъ являются будто бы «панегирикомъ (?) скорбной стороны нашей жизни» (стр. 165). Они же, эти политическія обстоятельства, д) обуславливаютъ выборъ Григоріемъ для изъясненія въ бесѣдахъ видѣній пр. Іезекиіля, и наконецъ е) самый характеръ послѣднихъ бесѣдъ. Изъ обстоятельствъ же церковной жизни авторъ упоминаетъ только о занятіяхъ епископовъ Мирскими дѣлами и корыстолюбіи и симоніи, господствовавшихъ между ними въ вѣкъ Григорія, но упоминаетъ мимоходомъ, для поясненія XVII бесѣды на Евангеліе, которую авторъ приводитъ почти цѣликомъ, какъ

*

обращающую на себя особенное его вниманіе (стр. 177—189). За то авторъ не преминулъ поставить на видъ общій строй римскаго народнаго сознанія, по которому «по всей длинѣ римской исторіи выдвигается на первый планъ и играетъ первенствующую роль дѣловая практическая тенденція». Это дало ему найти въ проповѣдяхъ Григорія В., вмѣстѣ съ аскетическимъ, и *правственно-практическое* направленіе (стр. 170 и слѣд.). Останавливаясь на отношеніи Григорія В. къ предшествовавшимъ ему проповѣдникамъ и писателямъ церковнымъ, авторъ указываетъ употребленіе отцемъ въ проповѣди примѣровъ, заимствованныхъ изъ современной ему жизни, а также аллегорій и символизма въ примѣненіи къ изъясненію св. Писанія, какъ приемы заимствованные Григоріемъ у его предшественниковъ. Но въ отношеніи употребленія примѣровъ авторъ говоритъ о предшественникахъ отца слишкомъ глухо. Онъ даже не называетъ ни одного изъ нихъ, а ограничивается замѣчаніемъ, что приемъ этотъ у отца встрѣчается чаще, чѣмъ у нихъ (стр. 204). Говоря же объ употребленіи отцемъ аллегорій и символизма, авторъ обращается къ исторіи этаго приема для толкованія писаній и старается показать особенности его какъ у предшественниковъ Григорія В., такъ и у него самаго. По такой сопоставкѣ авторъ признаетъ аллегорію отца жесткою, произвольною, кропотливою, и т. п., и сверхъ того, въ бесѣдахъ на Евангеліе указываетъ одну частную особенность ея, которую называетъ *неудержимымъ совопросничествомъ* (стр. 226), а въ бесѣдахъ на Іезекіиля—другую, называемую имъ же *мистика* или *тайная наука чиселъ* (стр. 254). Подъ *совопросничествомъ* авторъ разумѣетъ обычный у отца приемъ ставить при толкованіи вопросы и отвѣчать на нихъ; подъ *мистикою* же или *тайною наукою чиселъ*—соединеніе таинственнаго смысла съ числами, употребляемыми въ извѣстныхъ случаяхъ писаніемъ.

Таковы вообще результаты, къ которымъ приходитъ авторъ.

Но, зная его характеристику бесѣдъ отца съ самими бесѣдами, нельзя не сознаться, что она, какъ заимствованная не отъ самихъ бесѣдъ, недостаточно вводитъ въ духъ и особенности ихъ. Авторъ, напр., указываетъ на *меланхолію* и *грусть*, какъ на *основной тонъ* всѣхъ вообще бесѣдъ отца; но въ подтвержденіе дѣйствительности этой характеристической будто-бы черты проповѣдей не приводитъ съ своей стороны другихъ доказательствъ, кромѣ личныхъ своихъ соображеній о томъ, какимъ святое одушевленіе въ виду извѣстныхъ политическихъ обстоятельствъ должно было явиться «въ мягкой и нѣжной душѣ Св. Григорія, полной любви и состраданія». Самъ же читатель, при личномъ знакомствѣ съ бесѣдами отца, можетъ во всѣхъ ихъ найти едва ли болѣе двухъ-трехъ мѣстъ, сказанныхъ въ исключительныхъ обстоятельствахъ, на которыхъ замѣтитъ ясные слѣды скорбнаго чувства. За тѣмъ авторъ указываетъ на мысль о *знаменіяхъ кончины міра и близости послѣдняго суда*, какъ на мысль господствующую во всѣхъ проповѣдяхъ на Евангеліе, какъ на основную тему ихъ. Въ подтвержденіе этого онъ ссылается на то, что этому предмету посвящена именно первая бесѣда отца, — бесѣда, поставленная во главѣ всего собранія бесѣдъ, слѣд., служащая какъ-бы общимъ ихъ заглавіемъ (ст. 153). Авторъ и выписываетъ, потому, означенную бесѣду почти цѣликомъ. Дѣйствительно, первая бесѣда посвящена развитію этой мысли; есть намеки на нее въ бесѣдѣ четвертой, но, кажется, и только. Въ другихъ бесѣдахъ св. отецъ напоминаетъ не разъ о грозномъ судѣ Божиѣмъ, но разумѣетъ подъ нимъ большею частію не послѣдній, страшный, а такъ называемый судъ посмертный; а когда и разумѣетъ судъ страшный, во все не представляетъ его наступающимъ въ данное время. Авторъ упустилъ, очевидно, изъ виду, что св. отецъ располагалъ бесѣды не по содержанію, а по хронологическому порядку, въ какомъ однѣ были диктованы, а другія лично имъ произнесены (стр. 150). А между тѣмъ по со-

держанію первой бесѣды, какъ «слова характернаго» (стр. 154), заключивъ объ общей мысли остальныхъ, авторъ по характеру раскрываемаго въ ней нравоученія заключаетъ его и во всѣхъ другихъ, и проч. Объясняя политическимъ положеніемъ Рима, угрожаемаго нашествіемъ Лонгобардовъ и плѣномъ своего рода, выборъ проповѣдникомъ для толкованій въ бесѣдахъ таинственныхъ видѣній прор. Іезекииля, утѣшавшаго этими видѣніями іудеевъ среди плѣна вавилонскаго (231—234), и выводы отсюда общій характеръ бесѣдъ, представляющихъ собою «размышленія вѣрующей души о тайнахъ домостроительства Божія, среди которыхъ она уносила сама и увлекала за собою другихъ въ возвышенную сферу божественнаго и вѣчнаго», чтобы «заглушить чувство боли, раздражаемое частыми и тяжкими бѣдами, обрушившимися на голову несчастнаго поколѣнія» и т. д. (стр. 272 и слѣд.), авторъ обходитъ безъ вниманія одну частность, именно что объ угрожающемъ Риму нашествіи Лонгобардовъ Григорію В. и римлянамъ сдѣлалось извѣстнымъ въ то уже время, когда св. отецъ приступалъ ко второй половинѣ своихъ бесѣдъ, и обстоятельство это представляется у отца не поводомъ къ избранію для толкованій прор. Іезекииля, а причиною, по которой толкованія эти были, наконецъ, прекращены. Поэтому, весь поэтический ореолъ, которымъ окружаетъ авторъ бесѣды на Іезекииля, можетъ казаться читателю не болѣе, какъ произведеніемъ фантазіи, хотя и художественнымъ, но мало имѣющимъ значенія для уясненія дѣла. Указанія на *нравственно-практическое* направленіе проповѣдей Григорія В. не лишены вѣрности, хотя нѣсколько общи, такъ что могутъ до извѣстной степени быть примѣняемы ко всякому христіанскому проповѣднику. Но обращая вниманіе на *догматическую*, какъ онъ выражается, *подстановку* нравственнаго ученія, авторъ нашелъ у св. отца «любознательными» только два эпизода догматическаго характера: «полемику» его противъ еретиковъ прискилліанъ и математиковъ (которыхъ авторъ

считаетъ тоже—еретиками), и ученіе объ ангелахъ (стр. 192 и дал.). А между тѣмъ другіе изслѣдователи находятъ у отца догматическіе пункты болѣе важнаго свойства, какъ напр. ученіе о воплощеніи, объ исхожденіи св. Духа отъ Отца и Сына, и т. п. Болѣе обстоятельныхъ результатовъ можно бы ожидать отъ сопоставленія проповѣдей Григорія В. съ тѣми церковно-литературными вліяніями, подъ которыми они находились. Въ этомъ случаѣ особенно важно было бы уясненіе того отношенія, въ какомъ св. отецъ стоялъ къ предшествовавшимъ ему отцамъ и писателямъ западной церкви. Авторъ и дѣйствительно, заговариваетъ не разъ объ отношеніи Григорія къ предшественникамъ по употребленію аллегоріи и символизма при толкованіи писанія. Но прямо сопоставляетъ только толкованія Григорія на Іезекіиля съ толкованіями на того же пророка Оригена и Іеронима, изъ которыхъ послѣднимъ отецъ въ своихъ бесѣдахъ несомнѣнно руководился. Изъ тѣхъ заключеній однако же, которыя, вслѣдствіе этого сопоставленія, авторъ выводитъ объ особенностяхъ толкованій Іезекіиля Григоріемъ В., нельзя не видѣть, что онъ недовольно тщательно сличилъ между собою произведенія и этихъ трехъ писателей: потому что выдаетъ за особенности толкованій Григорія В. то, что послѣдній ясно заимствовалъ у своихъ руководителей.

Покончивъ такимъ образомъ съ главною своею задачею и едѣлавъ краткія, но обстоятельныя замѣчанія о вліянніи *проповѣдническихъ трудовъ Григорія Двоеслова на послѣдующихъ дѣятелей проповѣдничества* (гл. 6), авторъ перешолъ къ третьему отдѣлу своего сочиненія, озаглавленному: *ученіе о проповѣдничествѣ св. Григорія Двоеслова или его гомилетическая теорія*.

Въ первой главѣ этого отдѣла, указавъ на условія, вызывавшія на западѣ сравнительно—болѣе раннее появленіе христіанской реторики или гомилетическихъ руководствъ, авторъ отводитъ въ исторіи этой науки Григорію В. второе мѣсто послѣ бл. Ав-

густина, и его *книгу о пастырскомъ служеніи* или *пастырское правило* ставитъ рядомъ съ *христіанскою наукою* (*De Doctrina christiana, libri IV*) Августина; а при взаимномъ сопоставленіи обоихъ произведеній отдастъ даже преимущество первой." Въ дальнѣйшихъ за тѣмъ главахъ авторъ излагаетъ на основаніи означенной книги: а) главные мысли, составляющія основаніе гомиластики Григорія, — необходимость проповѣдничества для пастыря и требованія относительно жизни, таланта, знанія и образованія проповѣдника; б) правила касающіяся самой проповѣди, — приготовленія къ ней, предмета ея, способа проповѣдничества (характера проповѣди), и в) частныя наставленія касательно проповѣдничества.

Читателю, знакомому съ разбираемымъ по означеннымъ пунктамъ твореніемъ св. отца, равно и съ *христіанскою наукою* бл. Августина, весь этотъ трактатъ не можетъ не казаться искусственнымъ. *Liber curae pastoralis* Григорія В., какъ извѣстно, относится къ тому же роду произведеній, какъ и *защитительная рѣчь* св. Григорія Назіанзена, и шесть книгъ Златоуста *о священствѣ*. Всѣ эти творенія писаны не только объ одномъ предметѣ, но и по одинаковому побужденію, такъ однако же, что *защитительная рѣчь* Григорія Назіанзена служила образцемъ для двухъ остальныхъ. Противъ воли рукоположенный въ пресвитера и тотчасъ по рукоположеніи удалившійся въ Понтъ, Григорій Назіанзенъ, когда возвратился, говорилъ *защитительную рѣчь*, чтобы оправдать свое уклоненіе отъ священнаго сана. Онъ указывалъ въ этой рѣчи на то, какихъ свѣдѣній, какой мудрости, благоразумія, какого совершенства личнаго, святости и искусства требуетъ пастырское служеніе, попеченію, управленію и руководству котораго ввѣрены души. Мысли, высказанныя по этому предмету Назіанzenомъ, были потомъ развиты и дополнены Златоустомъ, равно и Григоріемъ В. Последній, писавшій книгу также въ оправданіе своего уклоненія отъ епископства рим-

скаго, и не скрываетъ отношенія своего произведенія къ *защитительной рѣчи* Назіанзена. Приступая въ 3-й части книги къ разъясненію того, съ какимъ благоразуміемъ и искусствомъ пастырь долженъ врачевать души пасомыхъ людей съ самымъ разнообразнымъ настроеніемъ, св. отецъ прямо выражается: *Ut enim longe ante nos reverendae memoriae Gregorius Nasiansenus edocuit, non una eadem cunctis exhortatio congruit, et caet.* Даже свое знаменитое положеніе, высказанное въ первой главѣ первой части: *ars est artium regimen animarum*, Григорій В. заимствовалъ у Назіанзена же (*Orat. apolog.* п. 16). Между тѣмъ авторъ совершенно игнорируетъ эту связь *книги о пастырскомъ служеніи* съ однородными ей произведеніями,—связь, которая одна могла бы уяснить читателю подлинное значеніе творенія отца; а сопоставляетъ ее съ *христіанскою наукою* Августина,—съ произведеніемъ и по предмету, и по цѣли совершенно иного рода, игнорируя въ значительной мѣрѣ истинный характеръ и послѣдствія. Сообразно съ этимъ и все, что ни говоритъ авторъ касательно *ученія о проповѣдничествѣ св. Григорія Двоеслова или его гомилетической теоріи*, смущаетъ читателя разнаго рода натяжками и очевиднымъ желаніемъ автора найти извѣстные гомилетическія правила тамъ, гдѣ ихъ въ дѣйствительности нѣтъ.

Впрочемъ значительная доля вины въ этомъ, вѣроятно, должна быть отнесена къ слишкомъ свободному переводу *книги о пастырскомъ служеніи* Григорія В., помѣщаемому въ журналѣ: «Руководство для сельскихъ пастырей». Авторъ, очевидно, пользовался означеннымъ переводомъ, и, при поспѣшности своихъ работъ, особенно въ этой дополнительной части сочиненія, не успѣлъ или счелъ излишнимъ сличить переводъ съ подлинникомъ.

Но если въ виду всего указаннаго нами, рассматриваемое сочиненіе мало дастъ положительныхъ результатовъ для науки, къ которой имѣетъ специальное отношеніе, со стороны литературной оно имѣетъ много несомнѣнныхъ достоинствъ.

Авторъ сообщаетъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія по литературѣ, относящейся къ избранному имъ предмету; представляетъ довольно рельефно общій ходъ развитія латинской проповѣди до Григорія В., огиѣчаетъ съ возможною точностію внѣшніе слѣды вліянія проповѣди отца на послѣдующихъ проповѣдниковъ; даетъ читателю массу фактическихъ свѣдѣній изъ жизни самаго Григорія В., не лишенныхъ интереса и исторической подлинности.

Какъ при очеркѣ личности св. отца, такъ и при разборѣ проповѣдей его, авторъ не упускаетъ случая поставить на видъ читателю ту или другую назидательную черту или мысль проповѣдника, и при томъ съ рѣдкою искренностію чувства. Кромѣ того, какъ вообще при разборѣ проповѣдей Григорія В., такъ въ частности при изложеніи такъ называемой гомилетической теоріи его, авторъ дѣлаетъ много полезныхъ замѣчаній касательно разныхъ сторонъ проповѣдничества. Недоумѣніе могутъ возбудить въ читателѣ развѣ только тѣ мѣста, гдѣ авторъ говоритъ объ отрицательномъ отношеніи св. отца «къ свѣтской наукѣ и мудрости міра». Въ характеристикѣ св. отца авторъ слишкомъ распространяется объ этомъ отношеніи, выставляя его какъ «замѣчательную черту», которой «не имѣетъ нужды скрывать», и торжественно заявляетъ что онъ «готовъ сдержать отъ слова осужденія всякаго», кто бы вздумалъ винить за нее отца. Авторъ видитъ въ этомъ пренебреженіи отца къ свѣтской языческой мудрости доказательство «свѣжаго, здороваго чувства, которое умѣло цѣнить вещи безъ всякаго предубѣжденія» и т. д. (стр. 94—102). Правда, дѣлая впослѣдствіи сравненіе толкованій на Іезекііа Григорія съ толкованіями на того же пророка Іеронима, который между прочимъ, «при случаѣ цитуетъ мнѣнія Платона, даже приводитъ мѣста изъ Горачія, энеиды и георгикъ Виргилія и т. п.», авторъ замѣчаетъ, что сравненіе это «едвали окажется въ пользу св. Григорія» (стр. 244). Но при изложеніи такъ называемой гомилетической теоріи отца, которую признастъ не излишнею и

полезною и въ наше время (стр. 303), авторъ возвращается еще разъ къ отрицательному отношенію отца къ свѣтской наукѣ и литературѣ, и по видимому уже съ прямою цѣлію дать въ примѣрѣ отца назиданіе современнымъ проповѣдникамъ и тѣмъ, кто готовится къ этому званію. Авторъ дѣлаетъ это, трактуя о *направленіи образованія и мнѣніи знаній*, необходимыхъ для пастыря — проповѣдника, и дѣлаетъ это нѣсколько своеобразно. Характеризуя складъ мысли отца, авторъ всѣ заключенія свои объ отрицательномъ отношеніи Григорія В. къ свѣтской наукѣ обосновалъ на письмѣ его къ Дезидерію, епископу гальскому, въ которомъ св. отецъ выражаетъ этому епископу свою скорбь по поводу слуха, будто онъ преподастъ нѣкоторымъ (*quibusdam*) грамматику. Выраженіе — *нѣкоторымъ* — неопредѣленнаго свойства; но авторъ нашелъ нужнымъ пояснить его: «вѣроятно, духовнымъ лицамъ, готовящимся къ духовному званію» (стр. 96). А возвращаясь къ тому же предмету въ рѣчи о направленіи и мѣрѣ знаній, необходимыхъ для проповѣдника, авторъ уже положительнымъ образомъ напоминаетъ читателю объ упрекахъ, какіе дѣлалъ Григорій В. Дезидерію «за то, что онъ молодыхъ клириковъ, готовящихся къ занятію церковно-іерархическихъ должностей, накомитъ съ предметами свѣтской языческой науки и литературы», и дѣлаетъ выводъ, что св. отецъ, «конечно не полагалъ ее въ числѣ знаній, на приобрѣтеніе которыхъ могъ бы тратить дорогое время человѣкъ, готовящійся въ проповѣдники церкви Христовой или уже облеченный этимъ званіемъ», и т. д. (стр. 314—315). При такомъ обращеніи автора съ фактами передъ глазами, такъ сказать, самаго читателя, послѣдній невольно придетъ къ заключенію, что вышеприведенный выводъ, котораго съ такими жертвами добивался авторъ, составляетъ задушевную мысль его; а между тѣмъ прежде замѣченный отзывъ автора о толкованіяхъ Григорія В. на пророка Іезекіиля указываетъ взглядъ его на тотъ же предметъ совершенно иного свойства.

Въ манерѣ изложенія автора замѣчательны простота и легкость приемовъ, и желаніе его быть всячески общепонятнымъ и занимательнымъ. Нельзя не пожалѣть только, что въ послѣднемъ отношеніи авторъ не всегда удерживается въ границахъ обязательныхъ, по нашему мнѣнію, хотя и въ популярномъ, но все же—серьезномъ сочиненіи. Во всей напимѣрь рѣчи его объ употребленіи Григоріемъ В. аллегоріи и символизма преглядываетъ желаніе развлечь читателя странностями, на современный взглядъ, этого приѣма и проповѣдника, особенно же ярко выступаетъ это желаніе въ тирадѣ о неудержимомъ совопросничествѣ, которое онъ считаетъ частною особенностію аллегорической (?) методы отца. Не съ иною, конечно, цѣлію, какъ вызвать улыбку со стороны читателя, авторъ представляетъ на этотъ разъ въ курьозномъ видѣ и такія мѣста изъ отца, которыя не только не имѣютъ сами по себѣ ничего особенно курьознаго,—не имѣютъ иногда и того смысла, какой придаетъ имъ авторъ.

Рѣчь автора отличается рѣдкою свободою, одушевленіемъ, а по мѣстамъ—и своего рода художественностію. Подчасъ вредитъ только ей излишняя искусственность, плеоназмъ и особенно-неточность. Послѣдній недостатокъ не можетъ не затруднять читателя кажущимися противорѣчіями автора, самому себѣ, встрѣчаемыми, къ сожалѣнію, не рѣдко.

3) *Доцента Теодора Смирнова*: Сочиненіе: «Св. Григорій Двоесловъ—его проповѣди и гомилетическія правила», по словамъ автора, имѣетъ спеціальное отношеніе къ исторіи проповѣдничества. Проповѣдническая дѣятельность Григорія Двоеслова, на которую всего меньше обращали вниманіе ученые изслѣдователи, писавшіе о св. Григоріѣ, составляетъ его задачу.

Въ перечнѣ изслѣдователей, касавшихся Григорія В. съ той или другой стороны, авторъ показываетъ, что свѣдѣнія, сообщаемыя ими о Григоріѣ, не отличающіяся полнотою вообще,

особенно коротки и неполны относительно трудовъ проповѣдническихъ.

Къ болѣе точному опредѣленію своей задачи авторъ приходитъ путемъ изображенія общаго хода развитія латинской проповѣди въ патристическій періодъ, указывая при этомъ мѣсто, какое занималъ Григорій В. въ исторіи латинской проповѣди. Въ ряду другихъ дѣятелей V и VI в. в., создавшихъ самостоятельную западную проповѣдь, которая могла достойно стать рядомъ съ восточно-греческою, авторъ признаетъ за Григоріемъ видную роль, такъ какъ онъ не только самъ былъ ревностнымъ проповѣдникомъ, но старался содѣйствовать дѣлу проповѣди своими теоретическими руководственными указаніями, составившими содержаніе его «пастырскаго правила».

Путемъ этихъ предварительныхъ соображеній авторъ дошелъ до тѣхъ пунктовъ, которые должны подлежать его изслѣдованію.

Это—1) проповѣдническая практика Григорія В. Существенными требованіями по отношенію къ этому предмету авторъ признаетъ не рѣшеніе вопросовъ, касающихся внѣшней стороны проповѣдническихъ произведеній, (хотя отчасти касается и этихъ вопросовъ), а опредѣленіе и уясненіе внутренней стороны проповѣдей или содержанія, въ нихъ раскрывающагося, и методы раскрытія; 2) теорія проповѣдническаго служенія; 3) очеркъ личности Григорія, какою она является въ исторіи и литературѣ,— очеркъ, который не долженъ составлять полную біографію, а лишь характеристику умственно-религіознаго и нравственнаго настроенія Григорія, какъ оно образовалось въ его духовной натурѣ подъ вліяніемъ элементовъ своего времени.

Вотъ частнѣйшія задачи, которыя ставитъ авторъ и сообразно съ которыми располагаетъ свое изслѣдованіе.

Методъ, которому слѣдуетъ авторъ при изложеніи предмета, синтетическій. Съ замѣчательною полнотою и глубиною изучивъ

все, что только относилось такъ или иначе къ данному предмету, авторъ составилъ общее, возможно полное понятіе о личности Григорія и его дѣятельности, и отъ этого общаго понятія исходитъ къ болѣе частнымъ сужденіямъ и умозаключеніямъ, подкрѣпляя ихъ всегда фактическими данными. Методъ этотъ проходитъ сквозь все сочиненіе, сообщая ему внутреннюю цѣльность и органическую жизненность. Его-то и нужно имѣть въ виду при оцѣнкѣ какъ цѣлаго сочиненія, такъ и отдѣльныхъ его частей, чтобы избѣжать тѣхъ неблагопріятныхъ результатовъ, къ которымъ можетъ привести односторонне-строгій логическій анализъ, ищущій всюду одной фактической данности и отрицающій обобщеніе, основанное на внутренней логикѣ фактовъ.

1) Въ своей характеристикѣ Григорія Двоеслова, авторъ выходитъ изъ представленія о немъ, какъ «типической личности, широкая и сильная душа которой вмѣщала въ себѣ больше родовыхъ чертъ и элементовъ, чѣмъ сколько удѣляла природа другимъ дюжиннымъ людямъ, больше могла усвоить тѣ матеріалы, какіе перерабатывало ея время и сильнѣе выражать тотъ духъ, какой носился тогда надъ единицами живущаго поколѣнія». (стр. 27). Такое представленіе о Григоріѣ, очевидно, составилось у автора послѣ того долгаго и тщательнаго изученія, какое посвятилъ онъ ему. Начиная этимъ общимъ представленіемъ авторъ ведетъ насъ тѣмъ путемъ, какимъ шолъ самъ при изученіи предмета, показывая, какъ образовалась эта великая историческая личность.

Онъ переноситъ нашъ взоръ къ годамъ воспитанія Григорія (гл. 1) и, слѣдуя принятому методу, на основаніи историческихъ свидѣтельствъ составляетъ по возможности полное, цѣлостное представленіе о воспитаніи Григорія. Не соглашаясь безусловно, по уважительнымъ причинамъ, съ свидѣтельствомъ Григорія Турскаго, который ставитъ Двоеслова выше всѣхъ современниковъ своего города по знанію грамматическихъ, діалектическихъ и рето-

рических наукъ, за воспитаніемъ его авторъ признаетъ «чисто-религіозный характеръ», придавая особенное значеніе воспитательному вліянію благочестивыхъ родителей, преимущественно матери, имя которой ставитъ рядомъ съ именами Иопны, Анеусы, Моникки и друг. благочестивыхъ женъ, въ своихъ дѣтяхъ воспитавшихъ великихъ служителей церкви. «Съ наслѣдіемъ вынесеннымъ изъ родительскаго дома, говоритъ авторъ, Григорій является во всѣ періоды своей дѣятельности, отъ первыхъ дней своей самостоятельной жизни до предсмертныхъ минутъ».

Поступленіе въ монашество, устройство на свой счетъ монастырей, изъ коихъ въ одномъ является Григорій первымъ и лучшимъ монахомъ,—вотъ факты, вполне оправдывающіе ту картину благочестиваго воспитанія, какую авторъ, благодаря своей обобщающей мысли, такъ вѣрно и живо представилъ на основаніи не многихъ данныхъ.

Ставши на рубежѣ между свѣтскою и духовною жизнію Григорія, авторъ переносится въ монастырь къ св. Григорію и, съ глубокимъ знаніемъ души человѣческой, изображаетъ внутреннее настроеніе (гл. II), господствующее стремленіе его, его подвиги, скорбь по причинѣ слабости тѣлесной, мѣшавшей его занятіямъ, и радость, какую испытывалъ онъ тогда, когда безпрепятственно могъ предаваться благочестивому труду. Авторъ не цитуетъ свидѣтельствъ на этотъ счетъ, но ихъ много у св. Григорія и они приводятся впереди. Замѣчаемъ это потому, что отсутствіе цитатъ можетъ дать поводъ упрекать автора въ ненаучномъ изложеніи дѣла (см. стр. 91). Въ жизни Григорія авторъ замѣчаетъ раздвоеніе, противорѣчіе между его господствующимъ стремленіемъ къ уединенной аскетической жизни и силою обстоятельствъ, вызывавшихъ его въ жизнь практическую общественную. Противъ его воли провидѣніе ставитъ его на престолъ римскаго епископа. Авторъ живо изображаетъ внутреннюю скорбь, какую наполнило это избраніе душу Григорія (на основаніи писемъ

его). Въ замѣнъ утраченнаго монастырскаго уединенія, Григорій старался доставить всѣ возможныя удобства другимъ, стремившимся къ созерцательной жизни, будучи покровителемъ и защитникомъ монаховъ и монастырей, и дѣлая изъ нихъ, при тогдешнемъ колѣбаніи политической жизни и общественной нравственности, разсадникъ достойнѣйшихъ служителей церкви. И самъ онъ и на высокомъ постѣ правителя церкви не оставилъ своихъ аскетическихъ занятій, которые не мѣшали ему быть усерднымъ исполнителемъ обязанностей епископскаго званія: его управленіе римскою церковію считается лучшимъ, золотымъ временемъ въ исторіи римскаго епископата. Памятникомъ его неутомимой, широкой и многообъемлющей дѣятельности служить его пиѣма. Изъ гражданской дѣятельности Григорія замѣчательный фактъ представляетъ дѣятельное участіе его въ защитѣ Италіи отъ Лангобардовъ.

Представивъ воспитаніе Григорія, сложившееся подъ вліяніемъ его господствующее настроеніе, не оставившее его и въ служебной его дѣятельности, авторъ сводитъ къ итогу все то, что собственно составляетъ индивидуальный характеръ личности Григорія (гл. III). «По своему душевному складу, говоритъ онъ, Григорій представляетъ изъ себя мягкую, деликатную, нѣжную и впечатлительную натуру»; входитъ дальше въ тонкій психологическій анализъ частнѣйшихъ свойствъ, въ какихъ проявилась эта натура.

Сострадателность къ другимъ—вотъ первая черга, отличавшая Григорія: она обнаруживалась въ помощи бѣднымъ и плѣннымъ, которыхъ было много въ то время и въ заботахъ объ обращеніи иновѣрныхъ въ христіанство. Въ послѣднемъ случаѣ авторъ замѣчаетъ у Григорія нѣкоторую непослѣдовательность и невѣрность себя при выборѣ средствъ для достиженія цѣли. «Здѣсь совмѣщалось у него нѣсколько факторовъ и каждый болѣе или менѣе подчинялъ себя его волю. По своей мягкости и сострада-

тѣльности Григорій старался дѣйствовать нравственными мѣрами, боясь оскорбить челоуѣка насильственнымъ посягательствомъ на его свободу. Но подчиняясь духу времени, Григорій прибѣгалъ иногда и къ мѣрамъ принудительнымъ». «Это обращеніе къ системѣ насилій,—по словамъ автора,—допускалось очень рѣдко и было «непоследовательностію въ общей совокупности его дѣйствій, въ отношеніи къ его началамъ и характеру». Въ подтвержденіе этого естественнаго и логичнаго объясненія дѣла авторъ приводитъ собственныя слова Григорія, вполне его оправдывающія: «мы пастыри, а не гонители... Это новая и неслыханная проповѣдь, которая наказаніями вынуждаетъ вѣру». Тоже доброе и мягкое сердце указываетъ авторъ въ отношеніяхъ Григорія къ подчиненнымъ и въ особенности къ ученикамъ устроенной имъ школы, для которыхъ онъ былъ скорѣе отецъ, чѣмъ начальникъ. Представивъ Григорія добрымъ, мягкимъ, снисходительнымъ, авторъ предостерегаетъ читателя отъ возможнаго ошибочнаго заключенія о недостаткѣ стойкости у Григорія. «Съ добротою и мягкостію Григорій,—по его словамъ,—умѣлъ соединять строгость, съ снисхожденіемъ твердость и рѣшительность». Это-то свойство,—авторъ передаетъ замѣчаніе Беа—и было причиною его избранія на римскую кафедру, такъ какъ въ крутыхъ обстоятельствахъ римлянамъ и нуженъ былъ такой мягкій и изворотливый челоуѣкъ (стр. 78). Въ доказательство твердости характера Григорія авторъ приводитъ собственныя слова Григорія: «ты хорошо знаешь—пишетъ Григорій Сабиніану,—мой характеръ, знаешь, что я долго терплю; но если уже разъ рѣшусь положить конецъ терпѣнію, то смѣло иду на встрѣчу всѣмъ опасностямъ». Дальше слѣдуетъ рядъ фактовъ, въ которыхъ обнаружались уступчивость и настойчивость; то и другое напр. выразилось въ отношеніи его къ императору и двору, «которымъ Григорій—по словамъ автора,—всегда воздавалъ подобающую дань почтенія; выражая его въ мягкихъ, вѣжливыхъ, иногда через-

чуръ панегирическихъ формахъ (напр. при поздравленіи Фоки съ возшествіемъ его на престолъ), но когда видѣлъ со стороны ихъ посягательство на права церкви или его собственную честь, не молчалъ, открыто заявлялъ свой протестъ (напримѣръ по случаю указа Маврикія, запрещаваго вступать въ монастырь людямъ, обязаннымъ военною службою). Всѣ проявленія мягкой, но вмѣстѣ стойкой и сильной души Григорія,—по словамъ автора,—растворялись смиреннымъ сознаніемъ его о себѣ, которое проявлялось въ уклоненіи его отъ видныхъ общественныхъ мѣстъ, отъ почестей сперва гражданскаго, а потомъ церковнаго званія, въ дружескомъ обращеніи съ низшими себѣ, въ отрицаніи всякихъ достоинствъ у себя и въ сознаніи однихъ недостатковъ, въ отреченіи отъ явныхъ заявленій уваженія къ нему, въ безграничномъ уваженіи къ благочестію и добрымъ дѣламъ другихъ, въ униженіи своихъ письменныхъ трудовъ предъ трудами другихъ. Все это подтверждено у автора примѣрами и свидѣтельствами. При этомъ авторъ не игнорируетъ фактъ столкновенія Григорія съ Іоанномъ Постникомъ изъ за титла «вселенскій»,—фактъ говорящій, повидимому, противъ смиренія Григорія, показывая правоту Григорія въ этомъ дѣлѣ, на основаніи его исторіи. Въ видахъ полноты характеристики личности Григорія авторъ не оставляетъ безъ вниманія физическую сторону его. Наружность Григорія авторъ описываетъ отчасти на основаніи его собственныхъ указаній, а главнымъ образомъ на основаніи свидѣтельства Іоанна Діакона, видѣвшаго портретъ Григорія и подробно описавшаго его, свѣряя это описаніе съ доступными ему копіями этого портрета; болѣзненное состояніе его изображаетъ съ его собственныхъ словъ.

Отъ изслѣдованія общихъ чертъ личности Григорія, составляющихъ его нравственный характеръ, авторъ переходитъ къ изслѣдованію черты болѣе частной, имѣющей болѣе близкое и непосредственное отношеніе съ постановленною имъ главною задачею,—именно къ складу мысли Григорія В. и его литературной

дѣятельности. «Сообразно съ аскетическимъ настроеніемъ св. Григорія,—говоритъ онъ,—опредѣлился умственный складъ его и строгое, полное глубокой вѣры, направленіе его мысли. Всею душою онъ былъ преданъ высокому ученію христіанскаго откровенія и въ немъ, въ его принятіи и усвоеніи, видѣлъ ту небесную мудрость, которая можетъ украшать земную мысль человѣка... Вездѣ, и въ своихъ дѣйствіяхъ, и въ перепискѣ и въ сочиненіяхъ онъ является человѣкомъ, для котораго одна удовлетворительная премудрость въ вѣрѣ во Христа, писаніе и церковь и толкованія небесныхъ таинъ подвижниками благочестія». Если не имѣть въ виду обычнаго метода, которому слѣдуетъ авторъ въ своемъ изслѣдованіи, если забыть, что авторъ, пиша эти строки, пропитался духомъ твореній Григорія, если наконецъ брать всю эту выписку отдѣльно, независимо отъ послѣдующей рѣчи,—что значило бы очевидно погрѣшить противъ самыхъ простыхъ началъ критики,—въ такомъ случаѣ это мѣсто, равно какъ и множество другихъ подобныхъ мѣстъ въ сочиненіи, можно признать произвольнымъ построеніемъ мысли автора, лишеннымъ основанія. Отрицательное отношеніе Григорія къ современной свѣтской мудрости, которое представляетъ дальше авторъ, показываетъ въ Григоріѣ дѣйствительно глубокую преданность откровенію. Но это отношеніе вовсе не таково, какимъ представляютъ его нѣкоторые изъ позднѣйшихъ историковъ, обвиняющіе Григорія въ узкомъ обскурантизмѣ, называющіе его фанатикомъ, готовымъ гнать всякую свѣтскую ученость, не подходившую къ его воззрѣніямъ, и въ оправданіе своего приговора приводящіе факты, надъ которыми будто бы съ недоумѣніемъ должна остановиться исторія (стр. 93). Признавая это мнѣніе, равно какъ и факты, произведеніемъ позднѣйшаго времени, авторъ входитъ въ опроверженіе основаній, на которыхъ утверждается мнѣніе и примѣнительно къ которымъ созданы факты (стр. 96—7). Изъ состоянія языческой философіи, изъ прежняго отношенія ея къ христі-

*

анству, изъ духа времени, когда языческую мудрость судили по той враждѣ, какую питала она къ христіанству, когда съ воздухомъ эпохи распространялась оппозиція противъ языческой мудрости,—авторъ съ совершенною послѣдовательностію выводить, что «св. Григорій былъ однимъ изъ самыхъ яркихъ представителей этой оппозиціи, словомъ и дѣломъ поддерживавшимъ ее между людьми», и что «объ отрицательномъ взглядѣ Григорія на свѣтскую науку и литературу нельзя судить съ такою строгостію, съ какою судятъ о подобныхъ взглядахъ въ наши дни...» (стр. 99—100). Притомъ, Григорій съ своимъ отрицательнымъ взглядомъ,—показываетъ авторъ,—не стоялъ ниже своего времени..., не губилъ свой вѣкъ, не отодвигалъ его назадъ, когда настоятельно совѣтывалъ заниматься священною мудростію христіанскою, а указывалъ ему надлежащую дорогу къ истинному преуспѣянію. Авторъ предлагаетъ читателю поставить себя въ положеніе Григорія и сдѣлать выборъ—между «хворою болѣзненною литературою языческою съ одной стороны и священною внигою откровенія съ другой». «И не служитъ ли къ чести просвѣщеннаго ума святаго отца, если онъ всѣмъ своимъ вниманіемъ отдался сторонѣ послѣдней, полной силы, жизни и свѣта, и оставилъ въ пренебреженіи сторону первую, ничего заманчиваго и питательнаго не представляющую для мысли, ищущей прочнаго удовлетворенія своей любознательности?» заключаетъ авторъ. Непредубѣжденный читатель видитъ, что заключеніе естественно вытекаетъ изъ посылокъ. Авторъ смотритъ на Григорія глазами того времени, когда жилъ онъ, и такой объективно-историческій взглядъ, съ неподдѣльнымъ желаніемъ защитить святость воззрѣній Григорія, не прибѣгая ни къ какимъ натяжкамъ, дѣлаетъ честь не только благочестивому чувству автора, но и его авторскому таланту.

Присматриваясь ближе къ христіанскому міровоззрѣнію св. Григорія, авторъ отмѣчаетъ нѣкоторые частнѣйшія особенности

его христiанствующей мысли. «Св. Григорiй хотя любилъ созерцанiе, какъ самъ онъ нѣ рѣдко выражался (цитатъ нѣтъ), но не былъ человѣкъ теорiи и отвлеченнаго мышленiя и христiанство не теоретическою своею частiю главнымъ образомъ занимало его вниманiе. То созерцанiе, къ которому онъ стремился, состояло въ благочестивомъ настроенiи мысли, которая оживляла предъ собою раскрытыя церковiю тайны любви Божiей для вѣры и назиданiя своего. Въ этихъ воспоминанiяхъ вѣры не было фило-софскаго элемента и не замѣтно стремленiя къ изслѣдованiю и испытанiю хранимаго благочестiемъ». Въ подтвержденiе этой общей характеристики мысли Григорiя авторъ ссылается на письма и сочиненiя; входитъ въ опредѣленiе частнѣйшихъ свойствъ догматическаго и нравственнаго ученiя Григорiя.

У Григорiя, какъ догматика, главною работающею силою авторъ признаетъ благочестивое воображенiе, руководимое покорною вѣрою, а не строгiй все взвѣшивающiй разсудокъ. «Въ обширной области христiанскаго ученiя любимымъ предметомъ, на которомъ болѣе всего онъ останавливался своимъ вниманiемъ, была смерть съ ея послѣдствiями, — будущiя времена, насъ ожидающiя, времена суда и воздаянiя всѣмъ за дѣла земной жизни». Въ этомъ преимущественномъ (но не исключительномъ) вниманiи Григорiя къ заключительному слову христiанской догматики авторъ видитъ характеристическiй признакъ его мышленiя. «И здѣсь-то собственно св. Григорiй Двоесловъ чувствовалъ себя въ своей стихiи», — говоритъ авторъ, ссылаясь на четвертую книгу диалоговъ, заключающую въ себѣ рассказы, направленные къ уясненiю любимаго предмета мысли Григорiя, и не опуская безъ вниманiя представленiе его о чистилищномъ огнѣ, какъ «обмолвку», свидѣтельствующую о простотѣ его пониманiя духовныхъ предметовъ. Если нѣкоторыя мѣста его сочиненiй и свидѣтельства жизнеописателей указываютъ на побѣдоносные споры его по части догматическихъ вопросовъ, авторъ за отсутствiемъ документовъ,

изъ которыхъ бы ясна была метода богословствованія Григорія, невидитъ въ нихъ доказательства особенной силы богословской мысли Григорія, а въ послѣднихъ видитъ пристрастіе жизнеописателей, готовыхъ изъ частнаго случая сдѣлать фактъ общецерковнаго значенія, къ возвышенію авторитета чтимаго ими отца. Эта критическая замѣтка, равно какъ и другія, ясно говорятъ, что авторъ далекъ отъ того, чтобы возвышать достоинства Григорія въ какомъ бы то ни было отношеніи (стр 105, ср. 106—108). Но онъ одинаково далекъ и отъ того, чтобы уменьшать эти достоинства. «Сила Григорія Двоеслова,—говоритъ онъ,—въ нравственномъ элементѣ, и главное направленіе, по которому вращается мысль его, лежитъ въ области практической нравственной дѣятельности»; ссылается на историко-литературныхъ критиковъ, называющихъ Григорія великимъ моралистомъ, и показываетъ достоинство его слова, когда оно касается предметовъ нравственности... Въ видахъ полноты характеристики направленія мысли Григорія авторъ указываетъ на пристрастіе Григорія къ вѣтшней святынѣ и, вопреки строгимъ литературнымъ критикамъ, приписывающимъ Григорію «старушеское сужденіе и обвиняющимъ его въ легковѣріи и суевѣріи», авторъ указываетъ, что Григорій «въ этомъ отношеніи былъ сынъ своего времени...» (стр. 114—115), но что при этомъ онъ чуждъ былъ суевѣрія... Литературнымъ памятникомъ мысли Григорія объ этомъ предметѣ служить письмо его къ императрицѣ Констанціи, супругѣ императора Маврикія, просившей прислать ей голову или какуюнибудь другую часть мощей св. ап. Павла для освященія церкви, строившейся во дворцѣ во имя ап. Павла.

Вотъ очеркъ личности Григорія, представленный авторомъ. Мы срисовали его въ сокращенномъ видѣ, но достаточно полно для того, чтобы видѣть, что этотъ очеркъ не есть произвольно построенное произведеніе фантазіи автора, какъ можетъ показаться при поверхностномъ чтеніи, но плодъ глубокаго изученія

эпохи Григорія В., который былъ представителемъ ея въ самомъ широкомъ и чистомъ смыслѣ.

2) Приступая къ разсмотрѣнію памятниковъ проповѣдничества Григорія В., авторъ, послѣ замѣчанія касательно интереса, какой имѣютъ проповѣди Григорія, устанавливаетъ начало для оцѣнки произведеній церковныхъ учителей. «Проповѣдническая критика, судя о произведеніяхъ церковныхъ учителей, обращаетъ вниманіе во первыхъ на высоту сознанія и чистоту выраженія тѣхъ просвѣтительныхъ началъ, какія раскрываются въ проповѣди, во вторыхъ на широту практическихъ стремленій проповѣдника, болѣе или менѣе отвѣчающихъ запросамъ времени... Не всѣ проповѣдники одинаково вмѣщаютъ въ себѣ и святость идеала и нужды своего времени. Одни—и такихъ большинство—раскрываютъ идеалъ христіанскаго сознанія съ болѣе или менѣе отвлеченной точки зрѣнія, разъясняя писаніе, догматъ и нравоученіе, безъ нарочитыхъ отклоненій къ вопросамъ современности; другіе живутъ мыслями народа по преимуществу и часто невольно погрѣшаютъ противъ святости идеала въ стремленіи согласить его съ наклонностями и расположеніями, замѣчаемыми въ жизни». Григорія Двоеслова авторъ относитъ къ первой категоріи проповѣдниковъ. «Проникнутый правдивною тенденціею, онъ отвѣчалъ настроенію своего вѣка и общества, но слово его не широко захватываетъ жизнь, стоящую предъ его глазами, и не характеризуетъ ее такъ мѣтко и подробно, какъ дѣлаютъ это ораторы болѣе сильнаго таланта: оно держится на высотѣ христіанскаго идеала, и отсюда проповѣдникъ смотритъ на жизнь, ея потребности и волненія, отзываясь на нихъ чувствомъ, но не удѣляя имъ полноты своего слова». Вотъ въ немногихъ словахъ полная и вѣрная характеристика проповѣднаго слова Григорія, которую вполне оправдываетъ разсмотрѣніе проповѣдей.

Подлинными произведеніями Григорія В. признаетъ авторъ 40 бесѣдъ на Евангелія, 22 бесѣды на пророка Іезекіиля и одно

слово о смертности, отвергая свидѣтельства, приписывающія Григорію другія произведенія гомилетическаго же характера. Послѣ замѣчанія о характерѣ древней проповѣди вообще, о древнемъ обычаѣ соединять проповѣдь непосредственно съ очереднымъ евангельскимъ чтеніемъ, авторъ во взглядѣ Григорія на св. Писаніе находитъ объясненіе, почему онъ усвоилъ себѣ древній обычай, указывая при этомъ двоякое отношеніе Григорія къ св. Писанію въ бесѣдахъ на Іезекіиля и бесѣдахъ на Евангелія: въ то время, какъ въ первыхъ онъ толкуетъ по порядку текста стихъ за стихомъ, слово за словомъ, въ послѣднихъ, слѣдуя уже обычаю послѣдняго времени, предлагаетъ толкованія на отдѣльныя чтенія. Такой порядокъ проповѣднической практики,—по мнѣнію автора,—не благопріятствуетъ современности слова, потому что мысль вращается въ области вѣчной божественной истины и только случайно, мимоходомъ можетъ сходить въ область дѣйствительной жизни; по этому напрасно захотѣлъ бы кто нибудь по проповѣдямъ воспроизвести ясную и всецѣлую картину нравственно-религіозной внутренней жизни столицы западнаго христіанства въ вѣка паденія древняго римскаго духа и разрушенія гражданскаго устройства. Но въ Григоріѣ «сильна нравственная тѣнденція, которая заставляетъ его думать и заботиться о возвышеніи нравственнаго уровня окружающаго его общества. Его душа скорбитъ о болѣзняхъ своего вѣка..., и не смотря на пристрастіе къ отвлеченному символизму, которое было въ литературномъ и герменевтическомъ обычаѣ того времени..., сила практическихъ нравственныхъ стремленій пробивается у св. Григорія и сквозь эту преграду»... Основнымъ тономъ проповѣди Григорія Двоеслова авторъ признаетъ меланхолію и тихую грусть... «Тонъ этотъ,—замѣчаетъ онъ,—связанъ непосредственно съ личнымъ настроеніемъ св. отца, но по своему качеству такъ гармонируетъ съ общею настроенностію времени, что мы не погрѣшимъ, если назовемъ его порожденіемъ своего времени, и по нему, какъ

чистому отголоску, будемъ судить о чувствахъ, мысляхъ и настроеніи общества и народа, собиравшагося вокругъ кафедръ св. Григорія Двоеслова».

Сорокъ бесѣдъ на Евангелія признаетъ авторъ главнымъ замѣчательнымъ памятникомъ проповѣднической дѣятельности Григорія. Онѣ говорены были во время литургій, въ разныхъ церквахъ, большею частію при торжественныхъ собраніяхъ и моленіяхъ народа... Не всѣ бесѣды на Евангелія произнесены самимъ Григоріемъ лично, нѣкоторыя были читаны его секретарями или нотаріями (такихъ 20 бесѣдъ). Это не было безразлично для слушателей, какъ показываетъ бесѣда, приведенная авторомъ. Временемъ составленія бесѣдъ авторъ, согласно съ Баропіемъ, признаетъ первые годы его первосвященства. Письмо къ Секундину даетъ автору возможность представить вниманіе, какимъ пользовались проповѣди Григорія у современниковъ, и показать поводъ, по которому Григорій самъ собралъ и расположилъ въ извѣстномъ порядкѣ свои проповѣди.

Господствующею мыслию въ ряду представленій, которыми занято сознаніе св. Григорія и которыя нашли себѣ выраженіе въ бесѣдахъ его на Евангелія, авторъ признаетъ «мысль о правдѣ Божіей, управляющей судьбами человѣческихъ обществъ и народовъ и о торжественномъ проявленіи ея въ великій день страшнаго суда». «Мысль эта, — по глубоко-вѣрному замѣчанію автора, — выдвигается въ сознаніи человѣчества на видный планъ всякій разъ въ такія времена, когда колеблются основы общественнаго благоустройства и падаютъ надежды на земное счастье, на его прочность и крѣпость». Такое время переживалъ Римъ при Григоріѣ В. и Григорій не могъ быть безучастнымъ къ его судьбѣ. «Соображая времена и событія, св. Григорій чувствовалъ приближеніе того дня и часа, о которомъ никто не знаетъ, и своимъ чувствомъ дѣлился съ народомъ... Съ нимъ было тоже, что бы-

васть со многими сильными людьми, сосредоточенными на своей мысли: освоившись съ нею въ умѣ, они готовы видѣть предъ собою близкое ея осуществленіе». Въ ряду бесѣдъ Григорія Двоеслова первое мѣсто занимаетъ бесѣда «о знаменіяхъ кончины міра и близости послѣднаго суда». Поставленная во главѣ всего собранія бесѣдъ, она служитъ какъ бы общимъ заглавіемъ, въ которомъ выражена основная тема, раскрываемая частіе въ другихъ дальнѣйшихъ бесѣдахъ... Авторъ показываетъ, что обстоятельства, среди которыхъ вступилъ на кафедру св. Григорій, настраивали мысль на подобныя представленія. Исходнымъ пунктомъ первой бесѣды Григорія служатъ слова Спасителя о признакахъ Его пришествія; Григорій показываетъ, что многое уже обывается, слѣдовательно остальное немногое скоро должно сбыться... «Мысль о близости страшнаго суда,—по мнѣнію автора,—не была у Григорія мгновеннымъ порожденіемъ тяжелыхъ обстоятельствъ, при какихъ онъ вступилъ на епископскую кафедру. Она входила въ его сознаніе, какъ одно изъ коренныхъ и за вѣтныхъ убѣжденій... Эта мысль съ силою выражена въ діалогахъ, заявляется въ бесѣдахъ на Іезекиіла и во многихъ письмахъ». «Сосредоточившись на этой мысли, Григорій всячески старался отклонять отъ *пристрастія къ міру*, который по его словамъ, не *въ силахъ стоять домо*, и уже не только предвозвѣщаетъ, но и *показываетъ близкій конецъ свой*... «Между бесѣдами на Евангелія нѣтъ ни одной проповѣди, гдѣ бы не говорилось объ отверженіи міра и презрѣніи къ нему». Все вниманіе проповѣдникъ совѣтуетъ обратить къ вѣчности въ виду погибающаго міра и не только не страшиться конца міра, а напротивъ съ радостію желать его, такъ какъ съ нимъ наступитъ вожде- ленное для христіанскаго сердца соединеніе со Христомъ. Но этотъ призывъ къ радости смѣняется у проповѣдника призывомъ къ плачу, какъ скоро онъ становится на обыкновенную житейскую почву: въ слезахъ у него средство и къ омовенію грѣховъ,

и къ усвоенію будущаго блаженства, и къ смирненію гнетущаго насъ горя.

Правоученіе, раскрываемое въ бесѣдахъ св. Григорія, авторъ характеризуетъ однимъ общимъ именемъ «правоученія аскетическаго», по его отрицательному отношенію ко всѣмъ благамъ и радостямъ міра и ко всѣмъ житейскимъ заботамъ. Такое аскетическое воззрѣніе Григорія на нравственность не есть одиночное явленіе; его раздѣляли лучшіе, наиболѣе здоровые умы современнаго Григорію поколѣнія (примѣръ указываетъ авторъ въ Венедиктѣ, жившемъ на полстолѣтія раньше Григорія). Сопоставляя правоученіе Григорія съ христіанскимъ идеаломъ, авторъ находитъ, что оно не имѣетъ широты соотвѣтственной широтѣ этого идеала и не обнимаетъ собою всѣхъ потребностей жизни.

При сравненіи съ проповѣдію другихъ замѣчательныхъ учителей церкви (Вас. В., Злат.) проповѣдь Григорія на взглядъ автора оказывается одностороннею, не полною, не отвѣчающею даже тѣмъ требованіямъ, какія предъявлялъ ей самъ Григорій въ своихъ теоретическихъ правилахъ. Она всецѣло обращена къ потребностямъ вѣчнаго спасенія, обходя всѣ низшія, земныя потребности, всѣ расчеты земнаго благоустройства и благополучія. Въ этомъ ея недостатокъ и односторонность.... Правоучительный элементъ въ проповѣди Григорія является преобладающимъ, но не исключительнымъ; онъ говорилъ и о предметахъ вѣры, но сравнительно кратко. «По обычаю того времени, соединяя въ проповѣди слово вѣры съ словомъ нравственности, онъ старается первое пройти кратко, чтобы потомъ сосредоточиться на второмъ». Такое нравственно-практическое направленіе проповѣди Григорія гармонировало съ практическимъ характеромъ и направленіемъ народа, который издавна высказывалъ расположенность къ вопросамъ практическаго свойства. Признавъ господство нравственнаго направленія въ проповѣди св. Григорія, авторъ спѣшитъ предупредить читателя отъ ложнаго заключенія, будто Григорій, пре-

слѣдуя нравственное направленіе въ своей проповѣди, излагалъ христіанское правоученіе систематически, въ цѣломъ рядѣ бесѣдъ. Нравственныя замѣчанія и уроки являются у него какъ-бы случайны, и въ проповѣдяхъ его «цѣтъ и темы въ томъ смыслѣ, въ какомъ она составляетъ необходимую часть нашихъ синтетическихъ проповѣдей. Въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ, правда, согласно вызову подлежащаго для толкованія мѣста писанія онъ прямо излагаетъ нравственныя правила; но въ большинствѣ проповѣдей онъ урывками сообщаетъ тѣ или другія наставленія. При такомъ способѣ раскрытія нравственнаго ученія въ проповѣдяхъ Григорія нельзя искать обстоятельнаго изслѣдованія нравственныхъ правилъ, въ смыслѣ научномъ». Изъ частныхъ нравственныхъ наставленій авторъ обращаетъ особенное вниманіе на наставленія, обращенныя къ пастырямъ церкви, раскрывая при этомъ взглядъ Григорія на пастырское служеніе, изображая его скорбь при видѣ обильной жатвы и при недостаткѣ дѣятелей, при видѣ небреженія, съ какимъ пастыри, занятые мірскими дѣлами, относятся къ своему дѣлу, при видѣ симоніи, господствовавшей среди епископовъ. «Любимыя мысли св. Григорія,—замѣчаетъ авторъ,—лежащія въ основѣ его міровоззрѣнія, проторгаются и здѣсь, когда онъ обращается съ спеціальными наставленіями къ епископамъ. Страхъ будущаго суда и радости царства небеснаго являются у него главными побужденіями для пастырей къ достойному исполненію своего служенія».

Не смотря на нравственный характеръ проповѣди Григорія, освобождающій автора отъ труда входитъ въ изложеніе догматическаго ученія, въ ней заключающагося, авторъ беретъ на себя трудъ и изложенія догматическихъ началъ, изъ которыхъ истекали нравственныя наставленія и которыя,—какъ онъ выражается,—составляли догматико-христіанскую подставку, излагая впрочемъ эти начала въ самыхъ общихъ чертахъ. Только два догматическіе пункта обращаютъ на себя его вниманіе и показав-

лись ему любопытными, какъ отступленія отъ обычнаго хода рѣчи. Одинъ—когда проповѣдникъ выступаетъ на поприще полемики, хочетъ защитить провидѣніе, всѣмъ заправляющее въ мірѣ, и опровергаетъ древнее вѣрованіе въ судьбу, представителями котораго являлись въ вѣкъ Григорія еретики прискилліане и астрологи, которыхъ онъ называетъ математиками. Другой любопытный эпизодъ догматическаго характера въ проповѣдяхъ Григорія—ученіе объ ангелахъ, отличающееся оригинальнымъ опредѣленіемъ числа ангеловъ и чиновъ ангельскихъ, а также ихъ служенія. Въ заключеніи этого отдѣла авторъ замѣчаетъ, что онъ нѣсколько уклонился отъ своего главнаго предмета—общей характеристики проповѣдничества св. Григорія, занявшись эпизодами догматическаго характера.

По прочтеніи этого отдѣла могутъ, пожалуй, возникнуть недоумѣнія касательно двухъ пунктовъ. Во первыхъ, господствующею мыслию въ сознаніи Григорія, которая нашла себѣ выраженіе въ бесѣдахъ на Евангелія, авторъ признаетъ «мысль о правдѣ Божіей, управляющей судьбами человѣческихъ обществъ и народовъ и о торжественномъ проявленіи ея въ великій день страшнаго суда» (гл. III. стр. 151). Бесѣда «о знаменіяхъ кончины міра и близости послѣдняго суда» поставленная въ главѣ всего собранія бесѣдъ, по словамъ автора, составляетъ какъ бы общее заглавіе, въ которомъ выражена основная тема, раскрываемая частіею въ другихъ бесѣдахъ (153). Если взять эти выраженія отдѣльно, внѣ связи ихъ съ послѣдующимъ развитіемъ мыслей автора, если слова «главная мысль, основная тема» принимать въ строго буквальномъ, школьномъ смыслѣ,—мнѣніе автора можно признать ложнымъ или, по крайней мѣрѣ, не достаточно обоснованнымъ, потому что о концѣ міра и страшномъ судѣ говорится лишь въ немногихъ проповѣдяхъ. Но мы должны понимать означенныя слова такъ, какъ понимаетъ ихъ самъ авторъ и какъ понимаются они обыкновенно въ исторической литературѣ. Въ

одномъ мѣстѣ авторъ говоритъ о бесѣдахъ Григорія на Евангелія, что «въ нихъ нѣтъ темы въ томъ смыслѣ, въ какомъ она составляетъ необходимую часть нашихъ синтетическихъ проповѣдей» (стр. 172). Авторъ очевидно противорѣчитъ себѣ, когда, указавъ тему въ проповѣдяхъ Григорія, въ тоже время отрицаетъ существованіе въ нихъ темы. Но это противорѣчіе показываетъ только, что авторъ подъ основною темою или главною мыслию разумѣетъ не тему въ школьномъ смыслѣ, т. е., въ смыслѣ даннаго положенія, которое должно быть исключительно раскрываемо, и за предѣлы котораго мысль не смѣетъ перешагнуть. «Главная мысль, основная тема», по представленію автора, есть мысль, господствующая въ сознаніи мыслящаго (151), служащая мотивомъ, дающая тонъ всѣмъ другимъ мыслямъ и чувствамъ, набрасывающая на нихъ такой или иной колоритъ, — мысль, по отношенію къ которой всѣ мысли и представленія являются слѣдствіями, болѣе или менѣе близкими или отдаленными, но въ ней во всякомъ случаѣ имѣющими точку огрaвленія. Въ такомъ смыслѣ понимаются слова эти въ исторической литературѣ, когда говорится, что стремленіями такого-то вѣка или отдѣльнаго лица заправляла такая-то идея, не смотря на безконечное разнообразіе фактовъ, наполняющихъ жизнь вѣка или лица. Такъ понималъ эти слова и авторъ разсматриваемаго сочиненія и, отрицая въ проповѣдяхъ Григорія тему въ школьномъ смыслѣ, находилъ ее въ смыслѣ болѣе живомъ и широкомъ. И дѣйствительно, когда мы слѣдимъ за развитіемъ идей Григорія, какъ оно, на основаніи его проповѣдей, представлено у автора, ясно замѣчаемъ, что проповѣдникомъ владѣла одна мысль — мысль о правдѣ Божіей, творящей суды свои на землѣ и имѣющей открыться во всей неумолимой строгости при близкомъ уже концѣ міра, на страшномъ судѣ; она служила мотивомъ всѣхъ его представленій, давала грустный тонъ его рѣчи, набрасывала какой-то мрачный колоритъ на его воззрѣнія. Овладеваемый этою мыслию, Григорій мрачно

смотрѣлъ на міръ, видѣлъ всюду признаки близкаго его конца и потому совѣтывалъ не привязываться къ міру, уже разлагающемуся, не бояться его неизбежнаго конца, а желать его, въ виду будущаго блаженства; отсюда происекалъ и его аскетическій взглядъ на нравственность. Вотъ ходъ идей, какъ онъ представленъ у автора. При томъ же Григорій, неоднократно и прямо сводитъ рѣчь на эту любимую поту его настроенія. Наконецъ, такъ какъ Григорій самъ далъ нарочито такой, а не другой порядокъ своимъ проповѣдямъ, то не безъ намѣренія поставилъ онъ во главѣ ихъ именно проповѣдь «о знаменіяхъ кончины міра и близости послѣдняго суда». Идѣтъ сомнѣнія, онъ говорилъ проповѣди какъ пришлось, безъ предначертаннаго плана; но перечитавши ихъ послѣ, онъ хотѣлъ, быть можетъ, хотѣ внѣшнимъ образомъ соединить ихъ въ одно цѣлое, поставивъ впереди проповѣдь, главная мысль которой тагъ занимала его и наводила на тѣ думы, какія невольно выражалъ онъ въ другихъ проповѣдяхъ. И мы не видимъ ничего страннаго и произвольнаго со стороны автора, что онъ господствующею мыслию въ проповѣдяхъ Григорія признаетъ «мысль о правдѣ Божіей, управляющей въ мірѣ, и торжественномъ проявленіи ея въ великій день страшнаго суда», и въ проповѣди «о знаменіяхъ кончины міра и близости послѣдняго суда», имѣющей не такъ узкое содержаніе, какъ можетъ казаться на первый взглядъ, видитъ заглавіе или основную тему, частице раскрытую въ другихъ проповѣдяхъ. Напротивъ, мы признаемъ силу мысли автора, сдумавшей въ разрозненномъ содержаніи проповѣдей Григорія найти одну общую нить и тѣмъ дать возможность читателю составить приблизительное понятіе о цѣломъ міровоззрѣніи великаго отца церкви.

Другой пунктъ въ разсматриваемомъ сочиненіи, могущій возбудить недоумѣніе, тогъ, что авторъ изъ догматическаго ученія св. отца обратилъ вниманіе на полемическій эпизодъ Григорія, направленный противъ астрологическихъ заблужденій и на

ученіе объ ангелахъ, какъ будто у Григорія этимъ ограничивается догматическое ученіе. Авторъ самъ говоритъ, что все нравоученіе Григорія построено на догматахъ, изъ нихъ развивается и вырастаетъ какъ изъ сѣмени. Но эти догматы отчасти предполагаются у Григорія извѣстными слушателямъ, отчасти же излагаются въ видѣ простыхъ церковныхъ опредѣленій и не представляютъ ничего оригинальнаго и характернаго. При томъ же главною задачею авторъ поставилъ общую характеристику проповѣдничества Григорія, и приведенные два образчика догматическаго ученія Григорія заняли мѣсто на страницахъ сочиненія лишь какъ отступленія отъ обычнаго хода рѣчи.

Бесѣды Григорія В. на пророка Іезекііля,—по словамъ автора,—не представляютъ новаго круга идей или новаго содержанія, отличнаго отъ содержанія бесѣдъ на Евангелія. Тѣмъ не меньше онѣ составляютъ явленіе довольно оригинальное въ исторіи христіанской письменности, такъ какъ онѣ произносимы были въ то время, когда Римъ готовился уже выдержать нападеніе Агилульфа, царя Лангобардскаго, производившаго повсюду спустошенія въ Італіи (стр. 230—251). Причина такого образа заключается «не въ прихотливомъ настроеніи проповѣдника и не въ безучастномъ отношеніи его къ тяжкимъ болѣзнямъ времени, а въ просьбѣ согражданъ, при видѣ окружавшихъ ихъ напастей, устремлявшихъ все свое вниманіе въ область мистики, и въ тайнахъ неба старавшихся искать утѣшенія среди земныхъ невзгодъ». Въ бесѣдахъ на Іезекііля изъясняется не вся книга, а только начальныя главы и одна изъ послѣднихъ,—самыя трудныя для пониманія. Подобно бесѣдамъ на Евангелія, бесѣды на Іезекііля, по произнесеніи, подвергались пересмотру Григорію (какъ показываетъ письмо къ еп. Маріану). Самъ Григорій не придавалъ имъ большаго значенія, по свойственному ему смиренію. Но у современниковъ и поколѣній, ближайшихъ ко времени Григорія, бесѣды эти пользовались особеннымъ уваженіемъ (авторъ приводитъ раз-

сказъ Павла и Іоанна діаконовъ о голубѣ и отзвыы Исидора исполійскаго и Ильдефонса толедскаго).

Какъ изъяснялъ Григорій Іезекііля? Указавъ нѣсколько методовъ толкованія на Іезекііля, какимъ слѣдовали предшествовавшіе Григорію толкователи, авторъ говоритъ, что толкованіе Григорія примыкаетъ къ тому направленію, которое, при отысканіи смысла въ писаніи, любило прибѣгать къ аллегорическому методу толкованія, и это направленіе является у него въ жесткомъ и крайнемъ видѣ... Иди этимъ путемъ. Григорій обращался иногда къ руководству своихъ предшественниковъ, но слѣдовалъ имъ настолько, насколько позволяла ему господствующая надъ его мыслію аллегорія; сравнительно большее вліяніе имѣлъ на него Іеронимъ... Толкованіе на Іезекііля представляетъ много любопытнаго и поучительнаго, — по мнѣнію автора, — и свидѣтельствуеъ о ясномъ умѣ толкователя, привыкшемъ вращаться въ области религіознаго созерцанія; но ясной богословской мысли недостаетъ строгости ученаго критическаго ума. Пользуясь готовыми понятіями при разъясненіи Іезекііля Григорій не заботится о цѣлостномъ проведеніи одной идеи по всему тексту и символу пророка. Символь у него раздробляется на части, отысканные стихи текста изъясняются имъ какъ самостоятельныя отрывки, безъ строгой связи съ цѣлымъ, безъ органическаго объединенія частныхъ представленій. Положенія эти авторъ подтверждаетъ выдержками изъ бесѣдъ. Вниманіе автора останавливаетъ еще одна черта, характеризующая истолковательныя бесѣды Григорія: это мистика или тайная наука чиселъ, встрѣчающаяся и въ бесѣдахъ на Евангелія, но въ бесѣдахъ на Іезекііля составляющая одинъ изъ главныхъ пріемовъ экзегетики и дающая имъ своеобразную оригинальность. Нравственно-назидательнаго въ бесѣдахъ на Іезекііля очень мало. Изрѣдка только Григорій высказывалъ какъ-бы невольную свою скорбь по поводу бѣдствій, удрывающихъ современное ему человѣчество, убѣждая не привязыв-

ваться къ міру; тоже скорбное чувство выражается и тогда, когда онъ обращается съ увѣщательнымъ словомъ къ пастырямъ церкви.

Рѣшенію вопроса о вліяніи проповѣдническихъ трудовъ Григорія на послѣдующихъ дѣятелей проповѣдничества авторъ предпосылаетъ критическій разборъ мнѣнія Нессельмана, признающаго Григорія творцемъ латинской проповѣди. Показываетъ дальше, что Григорій былъ преимущественнымъ предметомъ вниманія позднѣйшихъ вѣковъ, и его бесѣды, ревностно читавшіяся еще при его жизни, въ вѣкъ сененціаріевъ, отличавшійся собирательною дѣятельностію, считались руководственною книгою, какъ видно изъ распоряженій соборныхъ (напр реймскаго), изъ сборниковъ, тогда составлявшихся (гомеліарія Павла Варнефрида, сборника Рабана Мавра), и вообще изъ литературно-проповѣдническихъ трудовъ главныхъ представителей собирательнаго періода литературы (—Беды Достопочтеннаго, Рабана Мавра, Гаймона и др.). Затѣмъ, опредѣляетъ, въ чемъ именно состояло вліяніе проповѣди Григорія на гомилетическія произведенія послѣдующихъ вѣковъ. Вліяніе это выразилось не столько въ матеріальной сторонѣ, сколько въ формальной. Особенности формальной стороны его проповѣди перешли къ послѣдующимъ дѣятелямъ проповѣдничества: это во первыхъ—легендарный элементъ, (особенно замѣтный у Элигія), который въ средніе вѣка принялъ чудовищные размѣры, во вторыхъ—аллегорическій методъ изъясненія св. Писанія, (господствующій въ проповѣдяхъ Беды Достопочтеннаго, въ бесѣдахъ на Евангелія и посланія Рабана Мавра, въ бесѣдахъ



Гаймана, епископа Гольберштадскаго). Бесѣды Григорія Двоеслова пользовались уваженіемъ и на Руси...

3) Григорій Двоесловъ имѣеть значеніе для исторіи проповѣдничества не только своею проповѣдническою практикою, но и гомилетическою теоріею. «Пастырское правило» служитъ памятникомъ его теоретически руководственныхъ замѣчаній касательно проповѣдническаго дѣла. Намѣтивъ пути развитія проповѣди на востокъ и западъ и первыя теоріи проповѣдничества на западѣ, авторъ указываетъ мѣсто и значеніе «Пастырскаго правила» рядомъ съ «христіанскою наукою» Августина, по сходству ихъ главнаго содержанія. «Пастырское правило», какъ и «христіанская наука», не посвящено исключительно ученію о проповѣдническомъ служеніи, хотя мысль объ учительствѣ, по мнѣнію автора, составляетъ главную мысль книги. Сравнивая гомилетическую теорію, развитую въ «Пастырскомъ правилѣ», съ теоретическими правилами, высказанными въ «христіанской наукѣ», авторъ отдаетъ рѣшительное преимущество первой предъ послѣдними. Въ основаніи гомилетики Григорія лежатъ живое сознаніе необходимости проповѣдничества для пастырей церкви... Первымъ условіемъ успѣха для проповѣди Григорій ставитъ чистую, святую, образцовую жизнь... Но вмѣстѣ съ нравственнымъ характеромъ Григорій уважаетъ и природный талантъ въ проповѣдникѣ. Необходимость теоретическаго образованія, если не раскрывается прямо, то предполагается у Григорія, такъ какъ онъ считаетъ невозможнымъ браться за дѣло безъ болѣе или менѣе основательнаго знакомства съ нимъ. Направленіе образованія проповѣдника должно



быть, по Григорію, преимущественно созерцательное; средствами для этого образованія онъ рекомендуетъ ежедневное и усердное чтеніе св. Писанія и изученіе отеческихъ твореній. Кромѣ общаго приготовленія къ достойному прохожденію проповѣднической должности Григорій предполагаетъ нужнымъ нарочитое приготовленіе къ каждой проповѣди, состоящее въ тщательномъ обдумываніи того, о чемъ хочетъ проповѣдникъ говорить не съ цѣлію однако, чтобы выдумать что нибудь оригинальное, а болѣе назидательное, въ заботѣ о приличномъ развитіи и выраженіи мыслей, безъ уклоненія въ излишнюю искусственность. Опредѣляя кругъ предметовъ, въ которомъ долженъ вращаться проповѣдникъ, Григорій совѣтуетъ ему заниматься больше всѣхъ созерцаніемъ, т. е., говорить о предметахъ вѣры, но въ тоже время и быть сострадательнымъ, т. е., изъ области созерцанія нисходить въ область низшихъ земныхъ потребностей человѣка.

Мы представили содержаніе сочиненія въ возможно полномъ и цѣлостномъ видѣ, излагая мысли автора иногда буквально, иногда въ перифразѣ, съ соблюденіемъ, во всякомъ случаѣ, ихъ порядка. Легко видѣть, что въ рассматриваемомъ сочиненіи, за весьма немногими и весьма незначительными исключеніями, господствуетъ строгая логическая связь и послѣдовательность, и сочиненіе представляетъ стройное, органическое цѣлое. Правда, синтетическій методъ, какому слѣдуетъ авторъ, благопріятствуя округленію и живому представленію каждой отдѣльной части, какъ будто разъединяетъ отдѣльныя части и можетъ дать поводъ упрекать автора въ отсутствіи генетическаго раскрытія предмета въ



его сочиненіи. Но во первыхъ, генетическое развитіе совсѣмъ невозможно въ отношеніи къ предмету разсматриваемаго сочиненія. Григорій В. не представляетъ изъ себя проповѣдника, стоящаго въ живой, непосредственной связи съ современными требованіями общественной жизни, своевременно отзывающагося на ея запросы. Его проповѣди примыкали непосредственно къ св. Писанію и говорились по тому порядку и плану, какой указывали объясняемые книги Писанія; такъ что ни очеркъ личности проповѣдника не могъ быть сдѣланъ въ связи съ проповѣдями, ни проповѣди не могли быть обзрѣваемы въ живой, непосредственной связи съ личностью проповѣдника съ одной стороны и съ современными нуждами и запросами времени съ другой. Во вторыхъ, и при отдѣльности очерка личности проповѣдника отъ проповѣдей, между тою и другими у автора представлена живая, психологическая связь, такая только возможна при его методѣ изложенія. Читая разсмотрѣніе проповѣдей Григорія, вы всюду видите ту личность, такая изображена авторомъ въ первомъ отдѣлѣ, видите отраженіе тѣхъ душевныхъ качествъ, съ какими являлась эта личность сама въ себѣ. Что касается послѣдней части сочиненія, въ ней какъ будто недостаетъ сопоставленія требованій, предписываемыхъ Григоріемъ въ отношеніи къ проповѣди, съ его собственными проповѣдями. Но это сопоставленіе было бы излишне, потому что авторъ при разсмотрѣніи проповѣдей замѣтилъ, что проповѣдь Григорія не вполне удовлетворяетъ его собственнымъ требованіямъ, а требованія, выполненныя Григоріемъ, видны внимательному читателю сами собою безъ напоминанія. Внутрен-

нее органическое единство, господствующее въ цѣломъ, проникаетъ и въ частнѣйшія подраздѣленія сочиненія: въ началѣ каждой главы авторъ ставитъ общую мысль, какъ въ сѣмени заключающую въ себѣ всѣ частнѣйшія мысли, раскрытіе которыхъ должно слѣдовать. Такой естественный, непринужденный, чуждый всякой схоластичности ходъ рѣчи для мысли, привыкшей къ схоластикѣ и не сродной къ литературной работѣ, представляетъ не легкій трудъ напряженно слѣдить за непрерывно тянущейся нитью, — трудъ, усиливаемый еще больше богатствомъ, разнообразіемъ и живостью формъ и оборотовъ рѣчи. Авторъ, вполне овладѣвшій своимъ предметомъ, обращается съ нимъ такъ легко и свободно, что у него трудно встрѣтить два-три выраженія совершенно тождественныя, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ, по видимому, повторяетъ себя. Къ своему предмету авторъ относится съ солидностію ученаго: критически оцѣниваетъ свидѣтельства и мнѣнія, къ нему относящіяся, не унижаетъ заслугъ проповѣдника, но и не преклоняется предъ авторитетомъ святаго отца, указывая недостатки въ его характерѣ и проповѣдномъ словѣ.

Говоря такъ, мы не утверждаемъ, что рассматриваемое сочиненіе чуждо всякихъ недостатковъ: въ немъ есть повторенія, отступленія къ предметамъ, мало имѣющимъ значенія для главнаго предмета, нѣкоторыя противорѣчія и неточности. Но принимая въ соображеніе возможно удовлетворительное выполненіе главной задачи, мы признаемъ рассматриваемое сочиненіе однимъ изъ немногихъ явленій въ духовной литературѣ и думаемъ, что

мы отдадимъ только справедливость автору, если признаемъ его бесспорно ученый трудъ достойнымъ степени, для которой онъ предназначенъ».

Справка 1. По II ст. журнала общаго собранія Совѣта Киевской духовной Академіи отъ 19 ноября 1871 года постановлено: Представленное профес. В. Пѣвницкимъ на степень доктора сочиненіе передать въ церковно-практическое отдѣленіе съ тѣмъ, чтобы оно, по разсмотрѣніи, съ письменнымъ отзывомъ о достоинствѣ внесло его въ Совѣтъ.

Справка 2. Въ правилахъ о срокѣ и порядкѣ испытаній на ученія степени сказано: § 37-й, «Устнаго испытанія на степень доктора не полагается. Степени доктора удостоиваются магистры богословія только по представленіи и публичномъ защищеніи диссертациі или сочиненія». § 29 й, «Если сочиненіе признано будетъ удовлетворительнымъ для степени доктора, то Совѣтъ Академіи назначаетъ день для публичнаго защищенія диссертациі, чрезъ Ректора Академіи объявляетъ о томъ въ мѣстныхъ газетахъ и назначаетъ официальныхъ оппонентовъ не менѣе двухъ». § 31-й, «Тезисы для публичнаго защищенія диссертациі извлекаетъ изъ сочиненія самъ авторъ. Эти тезисы должны быть напечатаны ко дню публичнаго защищенія диссертациі».

Постановлено: Вслѣдствіе признанія церковно-практическимъ отдѣленіемъ представленной профессоромъ Василиемъ Пѣвницкимъ диссертациі удовлетворительною для степени доктора богословія, допустить его къ публичному защищенію этой дис-



— 88 —

сертации; для сего назначить 2-е апрѣля текущаго года, а офици-
ціальными оппонентами—экстраординарныхъ профессоровъ: Петра
Лашкарева и Николая Петрова, о чемъ объявить въ газетѣ
«Кіевлянинъ».

